

A romantic couple is featured in a lush forest setting. The man, with short blonde hair, wears a light-colored button-down shirt and has his arm around the woman. The woman, with blonde hair and bangs, wears a dark polo shirt and rests her hand on the man's chest. They are both looking directly at the camera with serious expressions. The background is a dense forest of evergreen trees, with a misty or smoky atmosphere and mountains visible in the distance under a dramatic, cloudy sky.

ЛЮБИТЬ ВОПРОЕКІ

Квотъ Бека

18+

Татьяна Иванова

Любить вопреки. Сквозь века

«Автор»

2026

Иванова Т.

Любить вопреки. Сквозь века / Т. Иванова — «Автор», 2026

Александра — обычная учительница с неизлечимой болезнью и предавшим её парнем. Последняя надежда — бабка-знахарка в глухой деревне. Но деревня оказывается не тем, чем кажется. А мужчина с белыми волосами и золотистыми крыльями утверждает, что ждал её тысячи лет. Что она — тьма. И что от неё зависит судьба двух миров. Сделка проста: он поможет ей отомстить. Она станет его женой. Что может пойти не так? Всё. История о девушке, которая всю жизнь была чужой игрушкой — и однажды научилась выбирать сама. О тьме, которая умеет любить. И о любви, которая делает сильнее.

© Иванова Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Иванова

Любить вопреки. Сквозь века

Любить вопреки

Иванова Татьяна

===== Часть 1 =====

Глава 1. Кустово

Машины трясло после каждой кочки так, словно кто-то снизу бил кувалдой по днищу. Мой желудок услужливо напоминал: если дорога не станет лучше, он благоразумно выкинет всё, что накопилось за последние четыре часа — включая, возможно, пару легких.

Я уже раз десять пожалела, что вообще согласилась на эту авантюру. Но обстоятельства, в которые жизнь меня засадила, как в старый, дырявый ботинок, не оставляли выбора. Ничего не поделаешь.

Шесть лет назад началась моя болезнь. Сначала обычные симптомы: бессонница, тошнота, головокружение. Такие слабые, что я не придавала им значения. Потом сон нормализовался, и я даже поверила — всё прошло. Наивная.

Начались вспышки.

Состояние, когда тело немеет, будто его накачали новокаином, а потом появляются адские боли. Я уже молчу про сон: либо тело парализует — лежишь как бревно, а мысли мечутся в панике, либо судороги скручивают так, что просыпаешься с криком и прикушенным языком.

Врачи разводили руками. Анализы в норме. «Вы здоровы, — говорили они. — Вам к психологу». Тот был бессилен: со мной действительно не было ничего «такого», чтобы объяснить приступы.

Я объездила столько врачей, сколько позволял карман. А карман стремительно усыхал, как река в засуху. Последней надеждой стала эта бабка.

Подруга рассказала: её коллега говорила, что у той вылечиваются все — любой недуг бабка убирает как рукой. Я мало верила, но после бесконечных анализов и больниц поняла — попробовать стоит. Хуже точно не будет. Разве что бабка окажется маньячкой, которая закапывает городских под курятником. Но на этот риск я была согласна.

Очередная кочка вернула меня из размышлений. Я стукнулась головой о стекло.

— Вы специально ямы выбираете? — проворчала я.

Таксист промолчал. Вид у него был такой, будто он сам себе уже пять раз пожалел, что взялся за этот заказ.

Мы ехали всё дальше в глубь леса. Дорога становилась хуже — сначала асфальт кончился, потом гравий, потом осталась просто глина, перемешанная с прошлогодними листьями и, кажется, слезами всех водителей. Зато лес за окном — красивый в своей апрельской голизне. Берёзы стояли с набухшими почками, на кончиках веток уже проклюнулась липкая зелень — та самая, майская, которую едва видно, но уже чувствуешь запах. Пахло прелой листвой, сырой землёй и чем-то сладковато-гнилым — началом мая, когда весна уже устала быть весной и хочет скорее стать летом.

Я — человек, который всегда стремился в город. Единственное место, где, как я считаю, можно развиваться. Что можно делать в деревне? Сидеть на завалинке, грызть семечки и ждать, пока борщ сварится? Но люди, которые любят природу, сейчас, наверное, возмутятся.

— Ну, каждому своё, — заключила я мысленно, пока очередная кочка не подкинула меня так, что я лязгнула зубами.

Вдали показалась вывеска. Старая, покосившаяся дощечка с выцветшей надписью: «Куство».

— Интересное название, — хмыкнула я.

Таксист сбавил скорость до пешеходной. Мы въехали в деревню. И тут я поняла, что слово «деревня» — это ещё громко сказано. Кладбище домов. Многие избы стояли с провалившимися крышами, окнами, заколоченными крест-накрест. Я по пальцам пересчитала жилые: дым из трёх труб, у одной калитка свежевыкрашена зелёным, у другой — занавеска на окне, похожая на простыню из советского прошлого.

Мы свернули на тропинку, которая уходила куда-то в лес. Таксист заглушил двигатель.

— Ну что, приехали.

— Это где? — я огляделась. Вокруг только деревья, грязь и тишина, нарушаемая где-то далеко петухом. — Вы довезёте меня до неё?

Он почесал подбородок. Сильно почесал, словно пытался найти там ответ.

— Сейчас вам прямо по тропе, метров триста, и упрётесь прямо в её дом.

— Вы издеваетесь? — я почувствовала, как злость поднимается из желудка. — По лесу тащиться с рюкзаком? В грязи? В кроссовках?

— Дорога дальше плохая, — он виновато развёл руками. — Боюсь, не выедем. Завяжем — я вас потом выталкивать не смогу.

Я закрыла глаза, мысленно пересчитала до десяти. Бесполезно.

— Ладно. Вы меня хотя бы подождёте? — спросила я так сладко, насколько могла. — Я быстро поговорю и назад.

Он кивнул:

— Да-да, конечно.

Его глаза говорили: «Я уеду, как только ты скроешься за деревьями».

Я вздохнула, как человек, который подписывает себе смертный приговор. Открыла дверь — и нога сразу же погрузилась в холодную, противно чавкающую жижу.

— Отлично, — сказала я в пустоту. — Просто прекрасно.

Земля в конце апреля ещё не просохла. Местами стояли лужи, но в основном это была такая каша из песка, глины и прошлогодних листьев. Мой белый кроссовок стал серо-коричневым за одну секунду.

Я хлюпала и старалась не упасть, выбирая дорогу так, словно проходила минное поле. Осторожнее. Наступать на кочку — под ней может быть вода. Наступать на листья — они скользкие. Идти по траве — там может быть нора крота, и нога провалится. Чувствовала я себя Шерлоком Холмсом, только вместо Лондона — болото, вместо преступления — борьба за выживание.

Кроссовки были безвозвратно убиты. Я плюнула и пошла прямо, переставая выбирать дорогу.

Через пять минут такого «трекинга» вдалеке показался домик. Я даже остановилась.

Ожидала увидеть покосившуюся избушку на курьих ногах, с провалившейся крышей и черепом на заборе. Реальность оказалась страннее. Изба стояла старая, с почерневшими от времени брёвнами, но при этом — пластиковые окна! Стеклопакеты, мать их, евро-окна. И дверь стеклянная — за которой, кажется, виднелись тюлевые занавески.

— Вот это коллаборация, — пробормотала я. — Бабка-знахарка с ремонтом от «Леруа Мерлен».

Калитка... о, калитка. Доски стояли так, как стоят зубы у бездомного после драки: то есть одни шатаются, других нет, а оставшиеся смотрят в разные стороны. Я потянула её на себя — она жалобно скрипнула и поддалась.

Внутри двора было... интересно. Справа — курятник, откуда доносилось утробное кудахтанье. Слева — сарай с дверью, которая не закрывалась. Прямо — дом с пластиковыми окнами. И тишина. Ни собаки, ни кота, ни человека.

— Эй! — крикнула я. — Здесь есть кто-нибудь?

Тишина. Только ветер шевелил прошлогоднюю траву на нескошенном газоне.

Я сделала шаг, второй. Осторожно обходила лужи во дворе — их было меньше, чем на улице, но всё равно достаточно, чтобы я проклинала день, когда купила белые кроссовки.

— Простите! Мне подсказали... Вы можете помочь? — голос мой звучал жалко, даже для меня самой.

И тут из-за угла дома вылетело что-то коричневое. Я отшатнулась, вскрикнула. Собака? Волк? Чудовище?

Нет. На меня с боевым кличем, больше похожим на икоту, неслась курица.

Серьёзно.

Обычная деревенская курица.

Она растопырила крылья, подпрыгивала и издавала такие звуки, будто её душили в такт. Я попятилась, наступила в лужу, но курица не отставала — она бежала сзади, явно намереваясь клюнуть меня за то, что посмела войти на её территорию.

— Кыш! — заорала я. — Пошла прочь, птица!

Курица не слушалась. Я уже приготовилась бежать в сторону калитки, когда из-за угла выскочила старуха.

На вид ей было лет сто. Седые, сбитые в колтун волосы, лицо в морщинах, но глаза — чёрные, живые, сверлящие. Одета в телогрейку и резиновые сапоги, а в руке — прут.

— Стой, окаянная! — крикнула она курице. — Вот поймаю — точно на суп пушу!

Курица, словно поняв угрозу, резко свернула в курятник. Бабка остановилась, перевела дух и только потом заметила меня.

Я стояла, прижавшись к стене сарая, спиной чувствуя, как шершавые доски царапают кожу. В груди закололо — начался тот самый предвестник вспышки. Холодный пот выступил на лбу.

— А ты кто такая? — спросила старуха, и голос у неё был как наждак по стеклу.

— Меня... к вам направили... — вымолвила я шепотом. — Сказали, вы можете помочь...

И тут же ноги подкосились. Я начала сползать по стене, не в силах держаться.

— Эй! — бабка подскочила ко мне, ухватила за плечо. — Не падай! Чего расселась?

— Я звала... — дыхание сбивалось. — Вы не слышали...

Она внимательно посмотрела мне в глаза, принялась. Я чувствовала, как приступ медленно отступает — иногда так бывало, если вовремя сесть и не паниковать.

— Отходит, — констатировала женщина. — Вставай давай.

Она рывком поставила меня на ноги, словно мешок с картошкой.

— Так зачем пожаловала? — спросила она так буднично, будто спрашивала, какой маршрут до города.

— Я... слышала, вы можете вылечить от любого недуга, — проговорила я, всё ещё хватаясь за сердце.

Она хмыкнула.

— От недуга — может быть. Но не от любого. И не сразу.

Говорила она по-старинному, с «оканьем» и какой-то тягучей интонацией. Я переступила с ноги на ногу, посмотрела на свои убитые кроссовки, потом на неё.

— Понимаете, — начала я. — Шесть лет назад начались приступы. Сначала бессонница, тошнота. Потом хуже. Врачи разводят руками — по анализам я абсолютно здорова.

— Здорова, — повторила она насмешливо. — А чего ж приехала?

— Меня... тошнит без причины, тело немеет, судороги по ночам... — перечисляла я, чувствуя себя симулянткой.

— Ясно, — бабка повернулась и пошла к дому. — Проходи в избу. Да гляди под ноги, не наступи в... впрочем, всё равно наступишь.

Я последовала за ней, стараясь не шлёпать по лужам громко — было стыдно, что это вообще происходит.

— А курица ваша, — сказала я для поддержания разговора, — очень боевая.

— Это не курица, это Плюха. Идиотка редкая, — бросила бабка, не оборачиваясь. — Несётся где попалю, а потом от агрессии страдает.

Я подавила смешок.

Плюха. Она назвала курицу Плюхой.

Мы зашли в дом. Сначала была прихожая — точнее, помещение метра три на три, всё заставленное полками. На полках — банки с чем-то сушёным, пучки трав, подвешенные к потолку, маленькие мешочки, пузырьки с мутной жидкостью. Запах стоял густой: мята, полынь, мёд и ещё что-то горькое, лекарственное.

— Вы как будто... — я запнулась.

— Ведьма? — закончила за меня бабка. — Говори, не бойся. Всё равно все так думают. Но я знахарка.

Я открыла рот, но не нашла, что сказать.

— Садись, — Клавдия Петровна указала на табуретку.

Я села. Она вытащила с полки пучок сухой травы, сунула в глиняную кружку, чиркнула зажигалкой. Трава задымилась сладким, пряным дымом. Она начала водить кружкой вокруг моей головы, бормоча что-то себе под нос. Я сидела не дыша — не столько от священного трепета, сколько от того, что боялась вдохнуть дым и начать кашлять.

— Так, — сказала она наконец, потушила траву о ладонь и поставила кружку. — Чую. Это не внутри, — она ткнула меня пальцем в живот. — Вся грязь снаружи.

— Что значит «снаружи»? — не поняла я.

— То и значит. Порча на тебе. Или дурной глаз. Или кто-то нашептал. Три года назад?

— Шесть, — поправила я.

Её брови полезли вверх. Она снова посмотрела на меня — теперь уже не просто сверля, а изучая, как букашку под лупой.

— Шесть, значит. Крепко засело.

— Вы можете помочь? — спросила я.

— Могу, — кивнула она. — Но не за раз. За месяц поживёшь у меня.

— Месяц?!

— Не рычи. Я сказала — месяц. Нужно жить у меня, каждый день делать то, что скажу. Травы пить, в бане париться, наговоры читать.

— Наговоры? — я поперхнулась. — Какие ещё наговоры? Вы серьёзно?

— А ты думала, я волшебной таблетке дам? — женщина упёрла руки в бока. — Нет, милая. Здесь я помогу тебе, а ты поработаешь.

— Но я работаю, — начала спорить я. — У меня работа, квартира, ипотека...

— Ипотека, говоришь? — она усмехнулась. — В деревне ипотеки нет. Будет у тебя месяц ипотеки — бабкиной науке.

— Это какая-то шутка?

— Я не шучу, — вдруг резко сказала она. — Либо живёшь у меня месяц, без отлучек, и слушаешься как миленькая. Либо ищи другого лекаря.

Она повернулась и вышла из прихожей в дом. Я осталась сидеть, на табуретке, в компании пучков трав и запаха полыни.

«Месяц. С бабкой. В деревне. В конце апреля — мае.» — мысли метались как угорелые. —» Это последняя надежда, Сашка. Врачи сказали «здорова», психолог сказал «у вас стресс», а эта говорит порча. Или она психованная, или я.»

Я встала, пошла за ней.

Из прихожей можно было пройти в чистую горницу — там стояла большая русская печь, застеленная половиками. За печью — ещё одна комната, спальня. Но бабки не было. Тогда я выглянула на улицу — задняя дверь вела в огород.

Огород оказался сюрпризом. Небольшой, но весь поделённый на грядки. И на грядках — помимо обычной морковки и свёклы, которые я ещё как-то узнала, — росли совершенно странные растения. С листьями как у лопуха, с фиолетовыми цветами, с мелкими ягодами. Старуха с корзиной ходила между ними, приседая, что-то срывая, нюхая.

— Надумала? — спросила она, не оборачиваясь.

— А у меня есть выбор? — ответила я мрачно.

— Нет, — она выпрямилась. — Звать-то тебя как?

— Александра.

— Сашка, значит. Я Клавдия Петровна.

— Приятно познакомиться, Клавдия Петровна, — машинально сказала я и тут же добавила: — Только я без вещей. Не знала, что останусь. Думала, на час приехала.

— Ну, ночь сегодня здесь переночуешь, — она махнула рукой в сторону дома. — Что надеть — найдём. А завтра съездишь в город, соберёшься и приедешь с вещами.

— А на работе? — начала я.

— Предупредишь, — отрезала Клавдия Петровна. — Или скажи, что заболела. Не все же тебе по врачам бегать. Месяц отдохнёшь.

— Отдохну? — я не поверила своим ушам.

— Конечно. Будешь мне помогать по хозяйству. Огород, куры, дом. И себя заодно почи- нишь.

— То есть... вы меня бесплатно лечить будете? — осторожно спросила я.

— Не бесплатно, — она наконец повернулась, уставилась на меня снизу вверх. — За работу. Заметил, поди, как я захожу, крыльцо у меня?

Я вспомнила вход. Две ступеньки, и одна из досок сгнила и провалилась.

— Заметила, — кивнула я.

— Вот. Доску новую положишь, гвозди забьёшь. И не только. Забор у калитки чинить, траву полоть, курам корм давать — всё в твои обязанности.

Я чуть не поперхнулась.

— Я гвоздь забить не смогу, — призналась честно. — Я вообще ни разу в жизни молоток не держала.

— Научишься, — Клавдия Петровна была непоколебима как скала. — Не велика наука. Гвоздь приставил, сверху стукнул — и готово.

— А если палец ушибу?

— Тогда будешь умнее.

Она повернулась и пошла к дому. Я осталась стоять среди странных растений с ощущением, что меня развели как последнюю дуру. Но внутри — в самой глубине — теплилась надежда. Она сказала «вылечу». Никто из врачей такого не говорил.

Ладно, бабка. Сыграем в твою игру.

— Клавдия Петровна! — крикнула я. — А где доску взять?

— В сарае, в куче, — донеслось из дома.

Я пошла в сарай. Дверь не закрывалась, как я и заметила, и внутри был настоящий бардак: грабли, вёдра, старые колёса, верёвки. В углу — куча досок. Я подошла, начала перебирать. Первая доска — труха, вторая — гнилая, третья — с трещиной. Уже хотела выругаться, но вспомнила, что в прошлой жизни у меня была работа в офисе, а не выковыривание досок из кучи.

— Чёрт, — выдохнула я. — Где хоть молоток?

Молоток нашёлся на полке, рядом с каким-то жутким ржавым ключом. Я взяла его — лёгкий, но в руке сидел непривычно. И три гвоздя — тоже ржавые, с погнутыми шляпками.

Ну, вперёд, строитель.

Я вышла из сарая, направляясь к крыльцу. Доску держала в одной руке, молоток и гвозди — в другой. Примерила: старая доска сгнила посередине, её надо было выбить. Я потянула — она поддалась, но не вся.

— Не выбивай, а поддень! — крикнули с огорода.

Я вздрогнула. Клавдия Петровна стояла у забора, смотрела на меня с выражением, очень похожим на умиление. Только, кажется, она умилялась моей глупости.

— Чем поддеть? — спросила я.

— Мозгами, — буркнула она и скрылась за углом.

«Вот старая ведьма,» — подумала я с ненавистью и одновременно с какой-то странной теплотой. Странной потому, что давно уже никто не разговаривал со мной так прямо и без соплей.

Я нашла в сарае ломик — тяжёлый, выше меня. Поддела доску — она с треском вылетела. Новая доска подходила по размеру, но кривая — пришлось подгонять. Через десять минут пытки я прислонила её к месту, приставила первый гвоздь.

— Ударю — и всё, — сказала я себе для храбрости.

Ударила.

Гвоздь согнулся.

Я выругалась так, что куры в курятнике заволновались. Хотелось кинуть молоток подальше в лес и уйти пешком в город. Но я вспомнила: приступы, врачи, деньги — и не ушла.

— Не так! — раздалось за спиной.

Клавдия Петровна стояла в двух шагах, выхватила молоток, ловко выдернула согнутый гвоздь, взяла новый, приставила — и одним чётким ударом забила его наполовину.

— Видела? Ровно держи. Не наклоняй. Бей по шляпке, а не по пальцам.

— Да я... — начала я.

— Пробуй, — она вложила молоток мне в руку. — У тебя до утра времени есть.

И ушла, насвистывая что-то народное.

Я посмотрела на оставшиеся два гвоздя, на доску, на свои убитые кроссовки — и рассмеялась. Прямо в голос, во дворе, под крик перепуганных кур.

— Месяц, — сказала я гвоздю. — Переживу. И эту бабулю переживу.

Гвоздь не ответил, но мстительно блеснул ржавчиной.

Солнце клонилось к закату. Воздух стал холоднее, но всё ещё пахло землёй, травой и наступающим маем. Где-то в лесу запела птица — так звонко, будто смеялась надо мной.

Я сжала молоток.

Была не была.

===== Часть 2 =====

С крыльцом было покончено.

Сказать, что оно выглядело ужасно — ничего не сказать. Любой мужик, взглянув на моё творение, перекрестился бы. Любая баба — тоже. Доски сидели криво, гвозди торчали в разные

стороны, а одна из них вообще треснула пополам, когда я забивала последний гвоздь. Но я честно попыталась.

— «Старуха должна понимать, — думала я, — что мастер из меня, как из собаки балерина.»

Пока я любовалась (если это слово тут уместно) результатом своего труда, Клавдия Петровна уже гремела в доме. Банки и склянки сталкивались друг с другом с таким звуком, будто она собиралась не ужин готовить, а химическую бомбу.

— Сашка, иди есть! — раздалось из глубины избы.

Я вошла. Прошла мимо той самой прихожей с травами (запах стал ещё гуще — добавилось что-то сладкое, похожее на мёд с перцем) и оказалась на кухне.

И вот тут я встала как вкопанная.

Кухня оказалась... сказочной. Окна — большие, почти во всю стену, выходили на лес. Через них заливался закатный свет — оранжево-розовый, мягкий, какой бывает только в конце апреля, когда солнце уже устало за день, но ещё не хочет уходить. И прямо под окнами тянулась длинная деревянная столешница. На ней — веревочки с пучками трав, разложенные листья, маленькие ножи, ступки. Всё это было каким-то доисторическим, но при этом аккуратным.

— «Прямо как у ведьмы из «Ведьмака», — подумала я. — Только без монет и с кашей.»

— Садись, — Клавдия Петровна кивнула на табуретку и поставила передо мной тарелку.

Я села. В тарелке дымился суп. Больше всего он походил на уху — пахло рыбой, укропом и чем-то незнакомым.

— Ешь, — коротко приказала бабка и села напротив.

Мы молча поужинали. Я несколько раз пыталась заговорить — спросить про приступы, про травы, про то, как она вообще догадалась, что это «снаружи». Но Клавдия Петровна либо отмалчивалась, либо отвечала односложно, всем видом показывая: «не до разговоров». После третьей попытки я сдалась.

— «Собеседник из неё, как из меня плотник,» — усмехнулась я про себя.

Бабка поднялась, унесла тарелки, а когда вернулась, то огорошила:

— Давай, в баню.

— В смысле — в баню? — не поняла я.

— В прямом. Топится уже.

Я открыла рот, но возражать не стала. Уж мыться в нормальной бане — не гвозди забивать.

— Только я сначала на улицу выйду, позвоню.

Она пожала плечами и скрылась за дверью горницы.

Я вышла на крыльцо (на своё новое, кривое — но гордое) и достала телефон.

Лёша. Мой парень. Три года вместе. Три года, как я мучаюсь с приступами, и он всё это время был рядом. Высокий, тёмноволосый, с правильными чертами лица, весёлый и милый, когда хотел им быть. В последнее время, конечно, мы стали чаще ссориться. Но это кризис любых отношений, да? Да и болезнь не добавляет радости.

Я нажала на знакомый номер.

Гудки. Длинные, тягучие, как эти апрельские сумерки.

Он не ответил.

Я набрала ещё раз. И ещё. На четвёртом гудки оборвались — абонент недоступен.

— «Он что, сбросил? Или батарейка села?»

Внутри кольнуло что-то неприятное, но я отмахнулась.

Потом дозвонюсь.

И вместо этого набрала Соню, подругу.

Она взяла трубку после первого же сигнала — будто сидела и ждала.

— Ну?! — выпалила Соня вместо приветствия. — Что за бабка? Давай рассказывай!

— Бабка как бабка, — я понизила голос, хотя Клавдия Петровна была далеко. — Ничего особенного. Сказала, что сможет вылечить, но я должна пожить у неё месяц.

— М-месяц? — Соня присвистнула.

— Ну да. И отрабатывать.

— Отрабатывать? Сашка, ты не думаешь, что она тебя просто разводит?

Я посмотрела на звёзды. Они уже зажигались на небе — бледные, неуверенные, но всё равно красивые.

— Не знаю, разводит или нет, — ответила я честно. — Но вариантов у меня больше нет. На том конце воцарилась пауза. Соня вздохнула.

— Кстати, — я замаялась, — ты Лёшу не видела? Я ему звонила, не берёт.

Ещё одна пауза. Уж слишком долгая.

— Лёшу? — переспросила Соня. — Нет... не видела. А что, он тебе не звонил?

— Нет. Я ему сама звонила. Не отвечает.

— Саш, — голос подруги стал жестче, — да брось ты его. Ну что это за парень, который за день ни разу не позвонил своей девушке, которая уехала к бабке-знахарке в глухую деревню?

— Может, у него что-то случилось? — начала я, хотя сама не верила в свои оправдания.

— Случилось. С ним постоянно что-то случается, когда ты ему нужна, — фыркнула Соня.

Я знала, что она его недолюбливает. Всегда считала, что он не тот человек, которому стоит доверять. Но Лёша был хорошим. Я это точно знала. Правда?

Мы ещё немного поболтали: Соня рассказала, что на работе бардак, что её кот опять нагадил в тапки, и что она всё равно считает, что я зря не послала эту бабку куда подальше. Я усмехалась, слушала, кивала.

И тут в проёме двери мелькнула тень. Клавдия Петровна стояла в коридоре и выразительно смотрела на меня.

— Сонь, всё, — сказала я. — Бабка палкой замахала. Я завтра позвоню.

— Удачи там. Не дай себя в рабство забрать!

— Постараюсь.

Я выключила телефон. Клавдия Петровна протянула мне белую длинную рубаху — льняную, мягкую, пахнущую сушёными травами.

— Это наденешь после бани. Иди, нечего мёрзнуть.

Баня стояла чуть поодаль, метрах в десяти от дома. Бревенчатая, чёрная от времени, с низкой дверью. Я вошла — и меня обдало жаром, влажным и густым, как объятие. Пахло берёзовым веником, деревом и ещё чем-то, от чего сразу расслаблялись плечи.

Я налила себе воды из бака, села на полок. Жар щипал кожу, но это было приятно — словно я столько лет была замёрзшей, а сейчас наконец-то отогревалась изнутри.

Не знаю, сколько я просидела. Время в бане течёт по-другому: не минутами, а вдохами. Когда я вышла, было уже совсем темно. Звёзды — боже, сколько же звёзд. В городе я видела только самолёты да крыши многоэтажек. А здесь небо раскрылось как книга: ни конца ни края, и ты на его фоне — маленькая, никчёмная, но почему-то живая.

На душе стало тепло и спокойно. Впервые за много дней.

В дом я вернулась на ватных ногах. Бабка уже спала — даже свет погасила, только в гостиной горела настольная лампа. На диване, который мне определили, была постелена свежая простыня, пуховая подушка и большое одеяло.

Я завернулась в него — горячая после бани, но на улице уже подстыла — и растянулась в полный рост.

— «Как же хорошо, — подумала я, закрывая глаза. — Может, эта бабка и правда что-то умеет? Раз на душе так спокойно...»

Сон пришёл мгновенно, без обычных тревог и судорог.

.*****

Проснулась я от того, что кто-то орал дурным голосом за окном. Сначала мне показалось, что это сигнализация. Потом я вспомнила, что я в деревне.

Петухи.

Я знала, что эти птицы орут громко, но чтобы настолько! Казалось, они сидят прямо у моего уха и надрыдают горло.

Только я натянула одеяло на голову, как из кухни послышался голос Клавдии Петровны — бодрый, как утренний трактор:

— Сашка! Вставай!

Я промычала что-то нечленораздельное.

— Солнце уже встало, а ты всё спишь! Работы немерено! И отвар на столе стынет!

Я открыла один глаз. В щель между занавесками пробивался жёлтый свет.

Работы немерено. Шесть утра. Она серьёзно.

В большой льняной рубаше, босиком и с всклокоченными волосами я прошлёпала на кухню. Клавдия Петровна уже была во всеоружии: фартук поверх телогрейки, волосы собраны в пучок. На столе стоял стакан с зелёной жидкостью и тарелка овсяной каши.

Я села, хлопая глазами.

— С добрым утром, — буркнула я и потянулась к отвару.

Бабка не сводила с меня глаз. Я замерла.

— Что? — спросила я, не понимая, чего она ждёт.

— Как спала? — спросила она так, будто допрашивала.

— Удивительно хорошо, — призналась я. — Бессонница не мучила.

— Я спрашиваю: судороги были? Паралич?

— Не было. Думаю, ваш отвар помог.

Клавдия Петровна хмыкнула.

— Не в отваре дело.

— То есть?

— Чтоб тебя вылечить, — она сложила руки на груди, — мне надо понять, что тебя заставило в эту порчу войти.

Я замерла с ложкой у рта.

— В порчу войти? — переспросила я. — Можно в неё войти? А выход есть?

Она не оценила шутки. Смотрела так, будто видела меня насквозь.

— Расскажи-ка о себе, дорогая.

Я вздохнула. Спорить с бабкой бесполезно.

— Ну, я Александра. Вы уже знаете. Работаю в школе, педагог-организатор. Живу с подругой и молодым человеком.

— В одной квартире? — уточнила Клавдия Петровна, приподняв бровь.

— Да. А что такого? Так дешевле снимать.

Она покачала головой.

— Никогда не понимала вашего стремления жить в муравейнике.

— «Муравейник» — это дом, где есть горячая вода и не надо колоть дрова, — уколола я. — И где за тобой не бегают курицы с именем Плюха.

Бабка не обиделась. Даже улыбнулась краешком губ — впервые за всё время.

— Когда доешь и выпьешь отвар, — сказала она, — сходи в поле. Собери мать-и-мачеху. Она сейчас как раз набирает цвет.

— Что — простите? — я не поняла.

— Мать-и-мачеху.

— А как она выглядит?

Клавдия Петровна посмотрела на меня так, будто я спросила, как выглядит небо.

— Ты что, в двадцать лет не знаешь мать-и-мачеху?

— Ну извините, в городе мне она не особо пригождалась.

— Ох и навязалась же ты мне на голову! — простонала бабка. — Жёлтые цветы, маленькие, как одуванчики, только стебель чешуйчатый. Первые весной открываются. Не перепутаешь.

И она вышла, оставив меня с кашей и отваром.

Я допила зелёную гадость (горькую, но согревающую), натянула свои вчерашние джинсы и кофту — сегодня же в город, вещи заберу, чёрт возьми — и вышла на крыльцо.

— Клавдия Петровна! — крикнула я в сторону огорода. — А мне сегодня уехать нужно! Я же вчера говорила!

— Помню, — донеслось откуда-то из-за кустов. — Степан за тобой заедет к двенадцати.

— Что значит Степан заедет? Кто такой Степан?

Но бабка уже скрылась.

Я посмотрела на часы. Было шесть утра.

То есть пока я спала, эта боевая старушка уже успела кого-то нанять, всё обговорить и даже не спросила моего мнения. Ужас, а не бабка.

В руке у меня оказалась крошечная корзинка. Такая маленькая, что в неё влезло бы максимум два яйца, и то если яйца будут вегетарианскими.

— Это что? — спросила я в пустоту.

— Корзинка. Собирай, — раздался голос, уходя в огород.

Я вздохнула и пошла в поле.

Поле начиналось сразу за домом — небольшой луг, окружённый берёзами. Трава ещё была низкой, апрельской, но кое-где уже желтели первые цветы.

Мать-и-мачеху я узнала сразу — яркие жёлтые головки на чешуйчатых стебельках, без листьев. Они росли кучками, словно семьями: пять-шесть цветков вместе, без одного.

— Мило, — буркнула я и начала собирать.

Через пять минут корзинка была полна.

— Ещё! — крикнула бабка, когда я вернулась.

— Но она полная!

— Высыпай на стол и иди снова.

Я высыпала цветы на газету, разложенную на столе. Взяла пустую корзинку — и пошла снова.

Второй раз. Третий. Четвёртый.

На пятом заходе я уже злилась. Ноги хлюпали по сырой земле, спина болела, а мысли о душе и терапии развеялись как туман.

— Клавдия Петровна! — крикнула я, вернувшись с очередной порцией. — У вас обычной корзины нет? Я бы ведро нарвала и со спокойной душой поехала в город!

Она не ответила. Даже не взглянула на меня — сидела перебирала какие-то корешки и бормотала. На меня ноль внимания.

— Слушайте, — я повысила голос, — я, конечно, всё понимаю, но это идиотизм какой-то. Маленькая корзинка, бегать туда-сюда — это издевательство, а не сбор трав.

Она подняла глаза. Холодные.

— Тебе не нравится, калитка там, — сказала она вдруг. — Крыльцо — кривое. Работа — дурацкая. А теперь и корзинка маленькая. Так?

— Ну... — я растерялась.

— Бери корзинку и иди дальше. Пока не скажу «хватит».

Во мне вскипело. Непонятная ярость смешалась с обидой — на врачей, на болезнь, на эту незнакомую бабку, на всю эту ситуацию.

— Вы что, дуру нашли? — выпалила я. — Заставляете работать за просто так, а потом скажете, что вылечили? Развели тут рабовладельческий строй!

Я бросила корзинку на пол. Она жалобно стукнулась о половик и покатилась в угол.

— Я не собираюсь делать вид, что вы меня лечите, чтобы вы нажились на моей болезни! Развернулась и вылетела из дома.

Шла быстро, тяжело, не разбирая дороги. В голове стучало: Где ты, Сашка? В какую дыру ты влезла? Зачем?

Я уже почти дошла до калитки, когда вдруг воздух кончился.

Легкие сжались, словно кто-то изнутри стиснул их в кулак. Я попыталась вдохнуть — ни звука, ни воздуха, только паника, поднимающаяся откуда-то из живота. Ноги подкосились, я села на ступеньку (на свою, такую гордую, но такую кривую), потом сползла наземь.

«Нет. Только не сейчас. Пожалуйста, не сейчас.»

Адская боль разлилась по телу. Я не могла пошевелить руками. Лежала на земле и смотрела в небо. И думала: вот оно. Конец. На этом крыльце, в этой дыре, без Лёши, без Сони, без врачей.

В глазах потемнело.

Но краем глаза я успела увидеть, как из дома вылетела Клавдия Петровна. Она не бежала — она словно летела. В руках — кружка с дымящейся жидкостью.

— Сашка! — заорала она так, что проснулись куры. — Открой рот, окаянная!

Я не могла открыть рот. Бабка наклонилась, грубо зажала мне нос — я рефлекторно открыла рот, и она влила туда отвар. Жидкость обожгла горло, но я проглотила. И ещё. И ещё.

— Пей, говорю, или помереть захотела?

Умирать я точно не хотела. Поэтому глотала, давясь и кашляя, пока кружка не опустела.

Сначала ничего не изменилось. Потом — медленно, очень медленно — боль начала отпускать. Сначала пальцы, потом кисти, потом тело перестало бить судорога. Я лежала на мокрой апрельской земле и просто дышала. Вдох. Выдох. Вдох.

— Так, — бабка схватила меня за шкурку. — Вставай. Идём.

В доме она влила в меня ещё один отвар. На этот раз тело и вовсе стало ватным, но уже не от приступа, а от тепла и спокойствия. Она уложила меня обратно на диван, накрыла одеялом, всунула в руки ещё кружку — уже с тёплым ромашковым чаем.

— Спи, — приказала.

— Но... работа... город... — прошептала я.

— Степан подождёт. Спи, сказала.

Я уснула раньше, чем успела сказать «спасибо».

— Сашка! Подъём!

Чья-то рука трясла меня за плечо. Я разлепила глаза. Клавдия Петровна стояла надо мной, хмурая, но в глазах — что-то беспокойное.

— Вставай, Степан приехал.

— Что? — голос у меня был осипший, будто я неделю молчала.

Я медленно поднялась. Голова кружилась, но тело было лёгким — такого давно не было. Приступ закончился. Полностью. Исчез, как не бывало.

«Неужели она и правда умеет лечить? Или это просто хорошее обезболивающее?»

На пороге стоял мужчина. Лет тридцати пяти — тридцати семи, тёмные волосы, добрые глаза. Высокий, но не пугающий. Такие люди — они словно не способны обидеть. Спокойные.

— Здравствуйте, — сказал он мягко. — Я Степан. Клавдия Петровна просила подвезти.

— Здравствуйте, — ответила я, чувствуя себя нашкодившей кошкой.

Бабка сунула мне в руки термос:

— Отвар с собой. Если начнётся — пей сразу. Поняла?

— Поняла.

— Со Степаном не болтай лишнего. Ему домой надо, и тебе.

— А вы не могли бы... — начала я, но бабка уже вышла.

Степан улыбнулся мне:

— Она такая. Не обижайтесь.

Мы сели в его «Тойоту» — маленькую, но ухоженную. Он вёл спокойно, уверенно, знал каждую яму на дороге и объезжал их с таким видом, будто играл в компьютерную игру.

Я молчала. Мне было не до разговоров.

Но вдруг он резко затормозил. Я подалась вперёд, чудом не стукнувшись лбом о панель.

— Что?! — испуганно спросила я.

— Да я дурак, — он хлопнул себя по лбу. — Список забыл. Клавдия Петровна просила из города лекарства привезти, а я список у неё на столе оставил.

Он развернулся. Мы буквально отъехали метров на триста — дом был уже виден за деревьями.

— Сейчас, одну минуту, — Степан вышел из машины и направился к калитке.

Я осталась в машине. Смотрела в окно. И вдруг у калитки заметила куст. Необычный — с какими-то серыми «ушками». Заячьими или кроличьими — я не разбиралась. Куст шевелился.

Я присмотрелась.

Под кустом возились крольчата. Маленькие, пушистые, с дрожащими ушками. Двое или трое — не разобрать. Один совсем мелкий застрял в ветках и никак не мог выбраться.

— Ничего себе, — удивилась я. — У соседей кролики, что ли?

Я вышла из машины, осторожно подошла ближе. Крольчонок заметил меня и начал отчаянно стучать задними лапами, пытаясь напугать.

— Эй, малыш, — тихо сказала я. — Я тебя не трону.

Я протянула руку, чтобы выпутать его из веток. Он вдруг прижался ко мне — затрясся, спрятал мордочку. И в тот же миг остальные крольчата тоже рванули в мою сторону, как будто искали защиту.

Я подняла голову и поняла почему.

По дороге медленно ехал чёрный «Мерседес». Гелендваген, если я не ошибаюсь — огромный квадратный джип, похожий на броневик. На такой машине в такую глушь? Откуда?

Я замерла.

«Мерседес» остановился. Из него вышел мужчина. Блондин, короткая стрижка, волосы зачесаны назад. Солнцезащитные очки. Костюм — дорогой, сидит идеально. Такие костюмы носят люди, у которых денег больше, чем совести.

Он обошёл машину, поднял голову — и увидел меня.

И замер.

Я тоже замерла. Он не двигался. Просто стоял и смотрел. Глаз я не видела из-за очков, но чувствовала взгляд — тяжёлый, изучающий. Неприятный.

— Здравствуйте, — сказала я, стараясь звучать уверенно. — Вы что-то хотели?

Он молчал. Губы сжаты. Похоже, он был либо зол, либо растерян — я не поняла.

— Вы к Клавдии Петровне? — спросила я, чтобы заполнить тишину.

Он двинулся ко мне. Медленно, как зверь. Я попятилась. Он подошёл совсем близко — я почувствовала запах дорогого парфюма и свежего табака. И вдруг он поднял руку и провёл пальцами по моей щеке.

Я отшатнулась как ошпаренная.

— Вы больной?! — заорала я. — Совсем охренели?!

В этот момент на крыльцо выскочила Клавдия Петровна.

— Сашка, чего раскричалась? — рявкнула она.

Следом за ней показался Степан. Оба уставились на блондина.

— О, Влад, — Степан вдруг заулыбался, протянул руку для рукопожатия. — Здорово!

Блондин — Влад, значит. Блондин протянул в ответ на рукопожатие Степану.

Клавдия Петровна скривилась так, будто лимон съела. Ему она явно была не рада.

— Степан, — сказала она резко, — езжайте с Сашкой в город. А то не успеете. И ей ещё обратно возвращаться.

Степан кивнул, махнул мне рукой — садись, мол.

Я перевела взгляд на Клавдию Петровну. Она смотрела на Влада — не на меня. Её лицо застыло маской.

— Сашка, — бросила она на прощание, — решила тут в моих вещах до зимы ходить? А ну давай в город, забирай свои шмотки и возвращайся!

И она развернулась к гостю всем корпусом, явно давая понять: теперь он — её головная боль.

Я села в машину.

Степан завёл двигатель. Чёрный «Мерседес» остался позади. Я бросила прощальный взгляд на блондина — он стоял, провожал нас взглядом, и я готова была поклясться: под очками он по-прежнему пристально смотрел на меня.

— Кто это? — спросила я у Степана.

— Владимир Романов, — коротко ответил он. — местная шишка.

— Богатый?

— Очень.

Я замолчала, глядя на дорогу.

—» Романов... Где то это я слышала»

===== Часть 3 =====

Клавдия Петровна упёрла руки в бока и уставилась на гостя.

— Ну и зачем пожаловал? — спросила она таким тоном, будто перед ней был не гость, а таракан на кухне.

Влад даже не повернул головы. Он стоял не шелохнувшись, провожая взглядом удаляющуюся «Тойоту». Солнцезащитные очки скрывали глаза, но старуха и без них видела: его внимание приковано к той, кто только что уехала.

«Ну надо же, — подумала она с неприязнью. — Сколько лет прошло, а он всё такой же помешанный.»

— Ты сделала всё, как я велел? — спросил Влад.

Голос у него оказался бархатным, с лёгкой хрипотцой — таким голосом говорят актёры озвучки в дорогих рекламах. На вид ему можно было дать лет двадцать восемь: гладкая кожа, спортивная фигура, широкая спина. Но Клавдия Петровна знала: по паспорту ему далеко за сотню. Если бы паспорт вообще мог выдержать столько лет.

Она скривилась, будто от зубной боли.

— Я выполняю свою часть сделки, — процедила она. — А ты...

— Что с ней? — перебил он. И только сейчас повернул голову к старухе.

На этот раз в голосе появились стальные нотки.

Клавдия Петровна пожала плечами, стараясь казаться равнодушной.

— Точно сказать не могу. Всё вперемешку — и порча, и сглаз, и, может быть, что-то ещё. Она поживёт у меня месяц. Разберусь.

— Дополнительные лекари нужны? — спросил Влад.

— Не думаю. Если вдруг что-то пойдёт не так... ты же в любой момент можешь её забрать.

Она усмехнулась, но усмешка вышла нервной.

— Что-то ты в последнее время распоясалась, — тихо сказал Влад. — Часом не забыла, кто перед тобой стоит?

Клавдия Петровна выпрямилась, насколько позволяла её сгорбленная спина.

— Я помню, Эрагон.

Он усмехнулся.

— А я думаю, забыла. Раз так своевольно имя моё называешь. В этом мире меня зовут Влад, — он сделал шаг вперёд, нависая над старухой. — Или ты стала забывать под старость лет? Вроде не зря я тебя пичкаю зельями.

— Зельями? — фыркнула Клавдия Петровна. — Ты называешь свои побочные эффекты зельями?

Он вдруг улыбнулся. Широко, но холодно.

— Сколько тебе уже пошло? Двести три?

— Двести три, — подтвердила она. — Но если ты не заметил, мы договаривались, что я останусь молодой. А я превратилась в старуху!

— Вернёшь мне девчонку — сделаю тебя молодой, — спокойно ответил Влад. — Вернёшь то, что забрала когда-то.

Клавдия Петровна сжала кулаки так, что побелели костяшки.

— Ты...

Но он уже развернулся. Открыл дверцу чёрного «Мерседеса» и скользнул внутрь, даже не попрощавшись.

Колёса взрыли грязь. Клавдия Петровна стояла на крыльце, глядя вслед машине, и ненавидела себя за то, что ввязалась в эту историю много лет назад.

«Ты ещё пожалеешь, Эрагон, — подумала она. — Люди не игрушки. Даже через тысячу лет.»

Влад вёл машину одной рукой, расслабленно, будто ехал по хорошей дороге, а не трясся по просёлочной дороге с ямами глубиной в колено. Но мысли его были далеко.

Сегодняшняя встреча... безусловно, порадовала.

Он снял очки, положил на панель. Глаза у него были светлые — почти белые, с едва заметной голубизной. Такие глаза бывают у слепых или у тех, кто слишком долго смотрел на что-то, чего видеть не следует.

«Наконец-то. Спустя столько лет. Спустя несколько тысяч лет — она вернулась.»

Он не ошибся. Её лицо, её запах, её душа — всё совпадало с точностью до миллиметра. Даже то, как она отшатнулась, когда он коснулся её щеки. Так же отшатнулась и в прошлый раз. Но тогда в тронном зале, она вела себя более дерзко.

«Сейчас главное — не спугнуть.»

Он знал цену времени лучше любого смертного. Слишком много раз он смотрел, как умирают те, кого он любил. Слишком много раз он обещал себе: больше никогда. Но каждый раз искал её. И каждый раз она уходила.

Влад нажал на газ. Лес за окном слился в зелёное пятно.

Он будет терпеливым. Самый большой промежуток он уже прожил без неё. Ещё один месяц — не срок.

От лица Александры

Тёплый ветер дул в лицо, пока я шла от машины Степана к подъезду. Он высадил меня прямо у дома — спасибо и на том.

— Я быстро, — пообещала я. — Через час буду.

— Два часа, — покачал головой Степан. — Клавдия Петровна строго сказала: ровно два, потом уезжаем. Она вас в лесу ночевать не оставит.

— Да помню я, помню.

Я сбежала по лестнице на третий этаж (лифт в нашей девятиэтажке умер ещё при царе Горохе) и открыла дверь своим ключом.

В квартире стояла тишина. Такая подозрительная тишина, которая обычно означает, что либо все умерли, либо кот замышляет недоброе.

И точно. На пороге меня встретил Кощей.

Сонин лысый кот. Я не знаю, зачем нормальному человеку заводить сфинкса. Он выглядит как инопланетный пришелец, который забыл надеть скафандр. Вся его морщинистая кожа, большие уши и влажные глаза вызывают у меня одну реакцию: фу.

— Кышь, — прошипела я, перепрыгивая через него, как через барьер на олимпиаде.

Кощей обиженно мяукнул и побрёл на кухню, по пути оставив на линолеуме потный след.

«Фу, мерзость, — подумала я. — И как Соня его целует?»

Я прошла в нашу комнату. Лёша лежал на кровати, укутавшись в одеяло по самые уши. На столе — горы грязных чашек, пустые пачки из-под чипсов. Телефон валялся на полу, разряженный в ноль.

Он даже не заметил, что я уезжала.

Я тихонько собрала свои вещи: джинсы, футболки, толстовку, смену белья, все крема, которые могли понадобиться (шесть банок, и это не считая ночных масок). Косметику тоже захватила — тоналку, консилеры, тени, тушь, три помады.

Раньше до встречи с Лёшей я вообще не красилась. Мне было всё равно. А сейчас... сейчас я хотела, чтобы люди видели меня красивой. Даже если эти люди — курица Плюха и бабка-ведунья.

«Хотя бабке, наверное, всё равно, — усмехнулась я про себя. — Она меня в баню отправляет и травой потчует.»

На кухне я решила приготовить Лёше завтрак. Просто чтобы он знал, что я о нём забочусь. Пожарила яичницу, поставила чайник.

Только я закончила, как в комнате зашуршало. Через минуту Лёша прошлёпал в ванную, потом вышел на кухню, протирая глаза.

Бывают такие моменты, когда ты ждёшь от любимого человека хоть капельки тепла. Ну, подойдёт, обнимет, скажет: «Соскучился». Но у нас с Лёшей было не так. Он вообще не любил телесные прикосновения. В этом плане нам приходилось тяжело — я люблю обниматься, а он уклоняется, как от пули.

Он сел за стол, увидел тарелку с яичницей, зевнул.

— Ты уже вернулась? — спросил он так, будто я была расписанием автобусов, которое он и так знает, но решил уточнить.

— Вернулась, — я постаралась, чтобы голос звучал спокойно. — Я вчера звонила тебе. Ты трубку не взял.

— Не начинай, Саш, — он потянулся за чашкой. — Я был на смене. Ты же знаешь, в баре работать сложно.

— Ты даже не спросил, где я была ночью.

— А зачем? Я знаю, что с тобой ничего не случится. Если бы случилось — ты бы мне сама набрала.

Я горько усмехнулась. Это была одна из наших главных проблем: Лёша считал, что беспокоиться — это лишнее. Со мной всё всегда хорошо. А то, что не хорошо — он не замечал или делал вид.

— Ладно, — я выдохнула. — Мне ещё на работу заскочить, отпуск оформить. Еда на плите, доготовишь сам.

Он кивнул, не поднимая головы.

— Ага.

Я вышла, хлопнув дверью.

«И как ты его любишь, Сашка? — спросила я себя в лифте. — Сама не знаю. Но люблю. Глупо, по-дурацки, но люблю.»

Работа находилась в двадцати минутах ходьбы. Я почти бежала, чтобы уложиться в отведённые два часа.

Школа №4 встретила меня запахом хлорки и казённого равнодушия. На турникетах сучал охранник дядя Андрей.

— А куда это мы так несёмся? — проворчал он, перегораживая мне путь.

— Дядя Андрей, мне к Светлане Дмитриевне, срочно, на минутку.

— У неё сегодня проверка, — он скривился так, будто я предложила ему выпить йогурт с плесенью. — Не велено пушать.

— Дядя Андрей, пожалуйста, я на минуту!

Он покряхтел, повздыхал, но турникет открыл. Я проскочила как мышка и понеслась на третий этаж.

Светлана Дмитриевна сидела в своём кабинете, заваленная бумагами. Женщина сорока лет, с пронзительными глазами и характером, которому позавидовал бы любой директор тюрьмы. Я её побаивалась, но уважала — за справедливость и за то, что она всегда закрывала глаза на мои опоздания.

— Светлана Дмитриевна, здравствуйте! — я влетела без стука (привыкла).

Она подняла голову.

— Что такое, Саш? — голос строгий, но в глазах — тревога.

— Можно мне отпуск за свой счёт? — выпалила я. — Месяц. У меня со здоровьем проблемы. Вы же знаете...

Она отложила бумаги, внимательно на меня посмотрела.

— Знаю. Иди к Рыбинской, она тебе заявление даст. Май, конечно, не лучшее время, но... болезнь не выбирает.

— Спасибо!

Я выскочила из кабинета и понеслась к директору. Там пришлось выслушать десятиминутную лекцию о том, как это непедагогично — бросать детей перед самыми каникулами, и как я должна была предупредить заранее, и что теперь придётся перекраивать расписание.

Я кивала, поддакивала, смотрела виноватыми глазами — и получила свою подпись.

Свобода!

Точнее, свобода от работы, но рабство у бабки на месяц.

Я вышла из школы и вдохнула майский воздух. Пахло тополиными почками и выхлопными газами — привычный городской букет. Солнце припевало, ветер дул в спину.

Телефон завибрировал.

— Ты где? — спросил Степан.

— Возле школы №4. Если можешь, заberi меня отсюда. Если нет — я сама добегу до квартиры, это недалеко.

— Да без проблем, сейчас заеду. Жди.

Я села на лавочку у крыльца. Школа смотрела на меня своими пустыми окнами. Красивое здание, кирпичное, недавно отстроенное. А толку?

Я закрыла глаза. Солнце грело щёки, ветер путался в волосах.

«Как же здесь душно, — подумала я. — А в деревне по-другому. Там небо открытое, звезды... а здесь одни крыши и провода.

— Эй! — голос Степана вывел меня из полудрёмы.

Он махал рукой из окна «Тойоты». Я вскочила, подхватила сумку, нырнула в машину.

До дома мы доехали быстро. Я взбежала на третий этаж, открыла дверь — и с порога закричала:

— Лёш, я побежала!

Он сидел на кухне, доедал бутерброды, которые я сделала с утра.

— Ага, — бросил он, не отрываясь от еды. — Не теряйся, звони.

«Уже месяц не потеряюсь, — подумала я с горечью. — Интересно, ты вообще заметишь, что меня нет?»

Я подошла к нему, потянувшись за поцелуем. Он машинально подставил лоб.

— С тобой всё будет хорошо, — сказал он, чмокнув меня в макушку. — Ты сильная.

— Я знаю, — ответила я, хотя внутри всё дрожало.

Выскочила из квартиры, на прощание пнув Кощея (нет, не сильно, символически — он в ответ обиженно фыркнул, и укусил ногу).

Степан ждал внизу.

— Успели, — отметил он, когда я плюхнулась на сиденье. — Теперь — назад, в Кустово.

Мы выехали за город. Дома кончились, начались поля, потом лес. И с каждым километром тревога в моей груди становилась всё сильнее.

Что я делаю? Еду к незнакомой бабке, бросаю работу, парня... А вдруг она шарлатанка? А вдруг станет хуже?

Сердце забило чаще, в груди заныло. Признак приближающегося приступа.

Я вспомнила про термос. Открыла, сделала глоток.

Горькая, пряная жидкость обожгла горло и потекла вниз, словно тёплый огонь.

И странное дело — отпустило.

Не сразу, но через минуту я снова могла дышать.

— Отвар Клавдии Петровны? — спросил Степан, косясь на термос.

— Он самый, — вздохнула я.

— Бабка своё дело знает, — сказал он и замолчал.

А я смотрела в окно на убегающие назад берёзы и в сотый раз прокручивала в голове разговор с Лёшей.

«Может, Соня права? Может, не надо было мне с ним связываться?»

Но сердце твердило своё. Люблю. Даже если он оставляет яичницу недоеденной и целует в лоб, как сестру. Люблю.

Лес поредел. Вдалеке показалась знакомая калитка с кривыми досками.

Кустово встречало меня тишиной, запахом полыни и настороженным кудахтаньем Плюхи.

Ну вот я и дома, — усмехнулась я про себя. — Во второй раз.

===== Часть 4 =====

Старуха моему возвращению не обрадовалась. Впрочем, я уже начала подозревать, что такой человек, как Клавдия Петровна, вообще не способен на позитивные эмоции. Её скверный характер — это нечто. Наверное, даже новорождённые младенцы в её присутствии перестают улыбаться.

Как только я переступила порог с сумками, бабка выплыла из кухни и ткнула в меня корзинкой.

— Медунки собери, — буркнула она.

Я вздохнула.

— А как она выглядит?

— Синенькие цветы в поле, — отрезала Клавдия Петровна и отвернулась, давая понять, что аудиенция окончена.

«Синенькие цветы в поле, — мысленно передразнила я. — А может, ещё и с бантиком?»

Я хотела возмутиться, но посмотрела на бабку повнимательнее — и осеклась.

С ней явно что-то случилось, пока меня не было. Она словно постарела лет на десять: лицо посерело, под глазами залегли тени, и двигалась она медленнее обычного.

«Кто-то хорошо проехался по этой железной леди, — подумала я. — Интересно, кто? Не тот ли тип в солнцезащитных очках?»

Спорить я не стала. Взяла корзинку — на этот раз побольше, нормальную, почти ведро — и вышла на крыльцо.

Закат уже подступал. Солнце висело низко над лесом, роняя оранжевые блики на ещё мокрую после маленького дождя траву. Воздух пах свежестью, и где-то далеко-далеко кричала птица, которой очень не нравилось, что день заканчивается.

— Ладно, медунка, — сказала я себе. — Синенькая, говоришь. Искать синенькое в лесу на закате. Что может пойти не так?

Я пошла по знакомой тропинке — туда, где утром собирала мать-и-мачеху. Полянка была уже недалеко, но мне нужно было то место, где среди жёлтых головок мелькали синие пятна.

Лес встретил меня напряжённой тишиной. В начале мая он ещё не набрал полную силу: листья на деревьях только-только распускались, сквозь кроны просвечивало небо, и земля была покрыта прошлогодней листвой, в которой хлюпали мои уже не белые кроссовки.

«Интересно, — думала я, внимательно глядя под ноги, — а змеи уже проснулись? Или ещё спят? Ну одна уже точно проснулась. Вон с корзинкой отправила»

Я не любила змей. И пауков тоже. И вообще всех животных, которые могут заползти в обувь или укусить за пятку. Поэтому каждый шаг давался мне с мысленной молитвой: «Только не уж, только не гадюка».

Я шла и одновременно прокручивала в голове события этого безумного дня.

Влад Романов.

Странный тип в дорогом костюме, который приехал к знахарке в глухую деревню на «гелендвагене». Который смотрел на меня так, будто мы старые знакомые. Который провёл пальцем по моей щеке — и от этого прикосновения у меня до сих пор мурашки по спине.

— Откуда я его знаю? — мучилась я. — Лицо точно знакомое.

Вдалеке показались синие островки. Медуница — маленькие колокольчики на низких стебельках, похожие на рассыпанные по земле звёзды.

Я присела на корточки и начала срывать цветы, стараясь не вырывать с корнем — бабка не уточняла, но мне показалось, что так правильно.

Монотонная работа всегда загоняет меня в размышления. Руки делают своё, а голова уходит в странные дебри.

«Вот этот Влад... или Владимир... Что-то я слышала про Романовых. Может, он из той богатой династии? Из ювелиров? Или из адвокатов?»

Я выпрямилась, поставила корзинку на пенёк и достала телефон.

Связь в лесу ловила — слава богам сотовой вышки, которые забрались в эту глушь.

Я открыла браузер, набрала в поисковике: «Владимир Романов».

Выскочило столько вариантов, что глаза разбежались. Тут тебе и хоккеист, и певец, и какой-то блогер. И ни одного похожего на того блондина.

— Блин, — пробормотала я. — Может, Влад — это сокращение от Владислава?

Попробовала «Владислав Романов». Тоже не то — какие-то школьники и один полковник в отставке.

— Да что ж такое...

Я задумалась. Вспомнила, как Степан назвал его при встрече: «О, Влад». Значит, всё-таки Влад. Но Влад — это может быть и Владимир, и Владислав, и даже Владлен.

И тут меня осенило.

Я набрала в поиске: «Влад Романов адвокат».

И — о чудо! — первая же ссылка вела на статью в каком-то глянцево-м журнале. Я открыла, и с экрана на меня смотрело знакомое лицо. Тот самый блондин. Та же холодная улыбка.

«Владимир Романов, 35 лет, — прочитала я. — Входит в топ-10 лучших адвокатов страны. Многолетний стаж, множество выигранных дел, защита крупных корпораций».

— Тридцать пять? — усомнилась я. — Выглядит он лет на двадцать восемь...

Статья была длинной и скучной: перечисление заслуг, благотворительных фондов, интервью о важности юридической грамотности. Я пролистала ниже — и замерла.

«Господин Романов также известен как основатель и главный меценат нескольких поселений. В числе его проектов — возрождение деревни Кустово, в которой он приобрёл землю и построил...»

— Кустово? — я перечитала ещё раз. — Он — основатель? Этой дыры?

Вот это поворот. Выходит, Влад — не просто клиент бабки. Он её... кто? Хозяин? Землевладелец?

Я хотела читать дальше, но экран вдруг моргнул — заканчивалась зарядка. А может, просто связь стала хуже.

Я подняла голову — и похолодела.

Солнце почти село. Лес стал серым, тени вытянулись, а тропинка, по которой я пришла, исчезла в сумерках.

— Мамочки, — прошептала я.

Я огляделась. Вокруг — одни берёзы. И ни одного ориентира. Я попыталась вспомнить, откуда пришла: вроде бы обогнула вон тот большой пенёк, потом прошла мимо двух ёлок...

Но в полутьме все пни были одинаковыми.

Телефон. Связь — одна палочка, но была. Я лихорадочно начала листать контакты.

Клавдия Петровна? У меня даже её номера не было — она пользовалась стационарным телефоном, как музейный экспонат.

— Твою ж дивизию, — выдохнула я.

Набрала Соню.

— Саша? — подруга ответила сразу. — Ты чего?

— Сонь, я потерялась! — затараторила я, оглядываясь по сторонам. — В лесу, возле этой деревни! Я собирала цветы для бабки, и теперь не могу найти дорогу обратно!

— О господи, — Соня заволновалась. — А бабка? Позвони ей!

— У меня нет её номера! У неё только домашний телефон!

Соня выругалась. Я её понимала.

— Ладно, скинь мне геопозицию, — сказала она быстро. — Саша, ты хоть примерно знаешь, где ты?

Я открыла карты. Точка прыгала, лес был отмечен одним зелёным пятном.

— Я около Кустово, — проговорила я неуверенно. — В трёх километрах от дома знахарки. Я... я не знаю.

— Я позвоню в МЧС, — решительно сказала Соня. — Сиди на месте, не двигайся.

— Погоди, может...

Но связь оборвалась. Я посмотрела на экран — одна палочка, потом ноль.

— Отлично, — сказала я в темноту. — Просто замечательно.

Лес вокруг затих. Даже птицы перестали петь. Только ветер шевелил кроны, и где-то далеко ухнула сова.

Я села на пенёк, прижала корзинку к груди.

«ну чем вам не Машенька — подумала я — только пирожков у меня нет, придется медведю меня есть»

Руки дрожали — то ли от холода, то ли от страха, то ли от того, что где-то внутри уже начинала зарождаться знакомая тревога — предвестник приступа.

«Только не сейчас, — взмолилась я про себя. — Только не здесь. Не в лесу. Не одной.»

Я закрыла глаза и начала дышать, как учил психолог: глубокий вдох, задержка, медленный выдох. Вдох. Задержка. Выдох.

Сзади хрустнула ветка.

Я вскочила как ужаленная. Сердце ухнуло в пятки.

— Кто здесь? — голос сорвался на писк.

Из-за деревьев вышел человек. Высокий, в тёмном пальто — в такой темноте я не могла разобрать лица, только силуэт. Но походку я узнала. Ту самую — уверенную, плавную, хищную.

— Вам не говорили, — раздался знакомый бархатный голос, — что в лесу после заката собирать цветы опасно?

Он подошёл ближе, и свет луны упал на его лицо. Белые волосы, светлые глаза — почти прозрачные в темноте, резкие скулы, спокойная полуулыбка.

Влад.

Я выдохнула, но не от облегчения — скорее от неожиданности. Сердце колотилось где-то в горле, и я никак не могла понять: это страх или что-то другое.

— Вы... — я сглотнула. — Вы что тут делаете?

— Искал вас, — ответил он так буднично, будто это было само собой разумеющееся. — Клавдия Петровна позвонила. Сказала, что её драгоценная пациентка забрела в лес и, видимо, решила проверить, насколько медведи голодны в этом году.

— Она позвонила вам? — не поверила я. — У неё же только домашний телефон.

— У меня есть все номера, которые мне нужны.

Он сделал шаг вперёд, протянул руку.

— Идёмте. Тут недалеко, метров 100.

— Я не пойду с вами, — я попятилась, наткнулась на пенёк и чуть не упала. — Я не знаю вас. Вы какой-то... странный.

Он усмехнулся. В темноте блеснули зубы.

— Станный — это мягко сказано. Но вы замёрзнете, начнётся приступ, и Клавдия Петровна мне голову оторвёт. А она это умеет, поверьте.

— Откуда вы знаете про приступы? — насторожилась я.

— Я много чего знаю, Александра.

Он первый раз назвал меня по имени — и у меня по спине побежали мурашки. Не от страха. От чего-то другого, чему я не хотела давать название.

Влад терпеливо ждал, рука протянута, глаза в упор.

— Идёмте, — повторил он. — Я не кусаюсь.

— А вдруг вы маньяк? — выпалила я.

Он замер, потом тихо рассмеялся — низко, грудью.

— Если бы я был маньяком, вы бы уже давно лежали в овраге. А так... я просто доведу вас до калитки. И всё.

Я посмотрела на его руку. Потом в темноту леса — непроглядную, пугающую.

Выбирать не приходилось.

— Ладно, — буркнула я, игнорируя его ладонь. — Но если что — я буду орать.

— Договорились.

Он опустил руку и пошёл первым, чуть впереди. Я — за ним, стараясь не отставать и не смотреть под ноги. Кроссовки уже давно превратились в две грязные тряпки.

.*****

Лес в сумерках оказался другим.

Днём он казался зелёным, уютным, почти сказочным. А теперь это была стена из теней, где каждый куст мог оказаться зверем, а каждая ветка — чьими-то пальцами.

Я шла и считала свои шаги, чтобы не думать о страшном. На пятом десятке Влад заговорил.

— Вы всегда такая недоверчивая? — спросил он, не оборачиваясь.

— Только с незнакомцами, которые трогают меня за лицо, — огрызнулась я.

— Вы до сих пор обижены?

— Я не обижена. Я в бешенстве.

Он хмыкнул. Мне показалось, что он улыбнулся, но в темноте не разобрать.

— Извините, — сказал он после паузы. — Не сдержался. Вы очень похожи на одного моего... старого друга.

— На женщину? — уточнила я.

— На девушку.

В его голосе промелькнуло что-то тяжёлое. Я замолчала. Не хотелось лезть в чужую боль, даже если этот чужой — странный блондин в дорогом пальто, который бродит по лесу и спасает заблудших горожанок.

Мы обходили поваленное дерево. Я споткнулась о корень, взмахнула руками — и в следующий миг Влад оказался рядом, подхватил меня за локоть.

— Осторожнее, — сказал тихо.

Его рука была тёплой даже через ткань куртки. И пахло от него — чем-то горьковатым, лесным, как смола или можжевельник.

— Я сама, — выдернула руку.

Он не спорил. Отпустил, сделал шаг назад.

— Как скажете.

Мы пошли дальше. Тишина сгущалась, и слышно было только хруст веток под ногами да моё сбивчивое дыхание.

— Вы правда основатель этого места? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Правда.

— Зачем вам эта дыра?

Он остановился. Я чуть не врезалась в него спиной.

— Почему вы называете это «дырой»? — спросил он, поворачиваясь. Луна осветила его лицо — спокойное, без тени обиды. Просто любопытство.

— Ну... — я запнулась. — Дорог нет, магазинов нет, развлечений — ноль. Одна знахарка с курицей-идиоткой.

— У вас странные критерии счастья, — он снова пошёл вперёд. — Магазины и развлечения.

— А какие правильные?

— Тишина. Звёзды. Возможность начать сначала.

Я вспомнила, что он уже говорил что-то подобное сегодня. Или не сегодня? Может, мне приснилось.

— Вы часто говорите загадками? — спросила я.

— Только когда хочу, чтобы меня не поняли, — честно ответил он.

Я открыла рот, чтобы съязвить, но в этот момент мы вышли на опушку. Вдалеке показались огоньки — жёлтое пятно окна дома Клавдии Петровны.

— Ну вот, — сказал Влад. — Живы и почти невредимы.

Он остановился у самой калитки, не заходя внутрь. Я тоже замерла, чувствуя странную неловкость.

— Спасибо, — выдавила я. — За то, что нашли.

— Я всегда тебя найду, Александра, — ответил он тихо. Настолько тихо, что я не была уверена — расслышала ли правильно.

А потом он развернулся и ушёл в темноту, бесшумно, как человек, который делал это тысячи раз.

На крыльце стояла Клавдия Петровна. Скрестила руки на груди, смотрела на меня тяжёлым взглядом.

— Нашла? — спросила она.

— Нашёл, — поправила я.

— Вижу. Заходи. И в следующий раз не шлейся по лесу после заката.

Я переступила порог. Обернулась. Влада уже не было — только фары машины мелькнули между деревьями и погасли.

В бане, сидя на полке и вдыхая жаркий пар, я прокручивала в голове его слова.

«Я всегда тебя найду.»

Что это было?

Я закрыла глаза, и перед ними снова возникло его лицо — белые волосы, светлые глаза и та полуулыбка, от которой у меня до сих пор бегали мурашки.

«Сумерки, — подумала я. — Всё дело в сумерках. Ночью даже обычные люди кажутся загадочными.»

Но внутри что-то ёкнуло.

Он назвал меня Александрой. Полным именем. Так, как будто знал меня давно.

Очень давно.

Чёрный «Мерседес» стоял на просёлочной дороге в полукилометре от дома Клавдии Петровны. Влад отключил двигатель, опустил окно и закурил — хотя последние сто лет не курил. Просто нужно было занять руки.

— Ну что? — раздался с заднего сиденья спокойный, чуть насмешливый голос.

Влад не обернулся. Он знал, кто там.

— Ты слишком рано появился, Ник, — сказал он, выпуская дым в ночное небо. — Я не звал.

— А я и не ждал приглашения, Эрагон. — Из тени выдвинулся мужчина. — Ты уверен что это она? Визуально похожи, но характер...

— Это точно она.

Влад повернулся. Его глаза в темноте салона светились — не отражали свет, а именно светились, бледно-голубым, как лёд на солнце.

— Ты узнал, что я просил? — спросил он тихо.

Ник перестал улыбаться.

— Узнал, и отправил тебе на почту.

— Хорошо. Значит всё-таки измены.

В салоне повисла тишина. Где-то в лесу заухала сова.

Ник откинулся на сиденье, сложил руки на груди.

— Ты уверен, что это она? В этой? — он кивнул в сторону деревни.

— На сто процентов. Те же глаза. Тот же запах. Та же дурацкая привычка спорить, даже когда не права.

— И она тебя не помнит?

— Нет.

— Опасное дело, Эрагон, — Ник покачал головой. — Если она вспомнит всё сама — не по твоей воле — она может тебя возненавидеть.

— Я знаю.

— И ты готов к этому?

Влад завёл двигатель. «Мерседес» взревел, разрывая тишину ночи.

Ник хмыкнул.

— Ты безумец, Эрагон.

«Твой Лёша вчера в баре. С кем — угадай».

Телефон Александры завибрировал на табуретке возле дивана.

Коротко, один раз — пришло сообщение.

Но Саша спала. Она только что вернулась из бани, пропаренная, с красными щеками и влажными волосами, и провалилась в сон, едва коснувшись подушки. Бессонница отступила — Клавдия Петровна насыпала ей в отвар чего-то такого, от чего даже мёртвый заснул бы.

Дзынь.

Телефон мигнул экраном, осветил потолок бледным светом, и снова погас.

Сашка не шевельнулась. Она лежала на боку, поджав колени к груди, как ребёнок, и её ресницы вздрагивали во сне.

А на кухне Клавдия Петровна слышала звук.

Она вообще слышала всё, что происходило в доме. За двести три года у неё обострилось всё, что только можно обострить: слух, чутьё, нюх на чужие беды. Поэтому, когда телефон пиликнул, она отложила полотенце, вытерла руки и бесшумно, как тень, прошлёпала босыми ногами в гостиную.

Сашка спала. Рот приоткрыт, волосы разметались по подушке. Телефон лежал на табуретке, экраном вверх.

Клавдия Петровна взяла его, побряхтев — старые суставы всё-таки давали о себе знать. Прищурилась.

Никакого пароля. Девчонка даже замка не поставила.

Она открыла уведомления.

Последнее сообщение — от незнакомого номера. Пришло минуту назад.

«Твой Лёша вчера в баре. С кем — угадай».

И фотография.

Старуха выпрямилась. Её лицо стало жёстким, она подумав немного нажала «Удалить».

Сообщение исчезло. Фотография — тоже.

Клавдия Петровна выключила экран, положила телефон на место — аккуратно, как лежал.

===== Часть 5 =====

— Кукареку!

Раздался знакомый петушинный крик, от которого, казалось, задрожали стёкла в пластиковых окнах.

— Я убью эту птицу, — прошептала я, натягивая подушку на голову.

Самый большой недостаток жизни в деревне — этот будильник невозможно выключить. Ни кнопки «отложить», ни сброса звонка. Только глуши его подушкой — толку ноль, петух орёт так, будто его режут, причём с огромным удовольствием.

Я перевернулась на другой бок, укуталась в одеяло с головой.

В доме было тихо. На удивление тихо — не звенели бабкины банки, не гремели кастрюли, не бубнил голос Клавдии Петровны, проклинаящий современную молодёжь.

Я осторожно высунула нос из-под одеяла.

Солнце уже всюду светило в окна — золотое, майское, с длинными тенями. По моим городским меркам, время было неприлично раннее. Но спать почему-то больше не хотелось.

Я потянулась — и с удивлением обнаружила, что ноги после вчерашних скитаний по лесу гудели, но тело было лёгким. Будто отвар, которым меня поила бабка, не просто снял приступ, а подзарядил меня, как батарейку.

«Может, и правда что-то в её травках есть? — подумала я. — Или это просто свежий воздух так действует?»

Одеяло соскользнуло на пол. Я поднялась, прошлёпала босиком к окну.

За стеклом было лето.

Настоящее, ещё не наступившее календарно, но уже пришедшее в деревню. Солнце висело невысоко, но припевало так, что на траве блестела роса — мелкие бриллианты, рассыпанные по каждой травинке. Пахло землёй, нагретым деревом и чем-то сладким — может, первые цветы?

Я потянулась, хрустнув позвоночником. Холодок утреннего воздуха приятно щипал кожу.

«А ведь тут хорошо, — подумала я неожиданно для самой себя. — Тишина... спокойствие... и самое главное — это спокойствие могу нарушить только я.»

В городе ты подстраиваешься под ритм, который тебе задаёт жизнь. Бежать, работать, добиваться целей, слушать гудки машин и крики соседей. А здесь... хочешь — сегодня будет самый спокойный день, хочешь — самый сумасшедший. Никто не дёргает.

— Сашка! — раздалось со двора. — Встала уже?

Я вздрогнула.

Калитка ударилась — знакомый скрип, которого я боялась, а теперь, кажется, уже узнавала. Ко мне приближалась Клавдия Петровна. В руках — большая корзина, полная каких-то веток, прутьев и свежей зелени.

— Встала, — ответила я, выходя на крыльцо.

— Вы уже с утра прогулялись, — я кивнула на корзину.

— В отличие от некоторых, мне некогда спать, — проворчала бабка, проходя мимо меня так близко, что я почувствовала запах свежей травы и земли.

— Доброе утро, — буркнула я в спину.

«Вот старая ведьма, — подумала беззлобно. — И как она меня за месяц не приберёт?»

Я направила за ней.

На столе в кухне уже дымилась тарелка овсяной каши с ягодами — не теми, что из магазина, а сушёными, похожими на мелкие бусинки. Рядом стояла кружка травяного чая.

— Завтракай, — бросила Клавдия Петровна, раскладывая свои травы на веранде. — И ступай за медунками. Надеюсь, сегодня не заблудишься.

— Ну, при свете дня я уж как-нибудь справлюсь, — огрызнулась я, усаживаясь за стол.

Каша была горячее, сладковатой на вкус — бабка добавила мёда. Я ела и смотрела в окно на лес, который начинался сразу за огородом.

«Странно, — думала я, жуя. — Вчера этот лес меня пугал. А сегодня — манит.»

После завтрака я переоделась. Спортивные штаны, белая футболка, кроссовки (уже не белые, и слава богу — теперь не жалко). Волосы стянула в хвост.

— Клавдия Петровна, я пошла! — крикнула я из прихожей.

— погоди! — раздалось с веранды.

Я вышла к ней. Старуха стояла, уперев руки в бока, и оглядывала меня с ног до головы.

— В чём это ты собралась?

— В чем дело? — спросила я. — Удобно же!

— Удобно — не значит практично. Медунца на влажной земле растёт. Через пять минут ты будешь похожа на поросёнка, который только что искупался.

— Спасибо за комплимент, — фыркнула я. — Вот прямо расцвела от ваших слов.

— И не надо цвести, надо работать. — Бабка сунула мне в руки корзину. — Но сначала помоги мне банки достать.

— Банки? — не поняла я. — Какие банки? Откуда?

— Пойдём.

Мы обогнули дом и направились к пристройке — бабка называла её «сараем», хотя больше похоже на бомжатник. Стены из прогнивших досок, крыша из шифера, дверь, которая не закрывалась.

— Заходи, — кивнула Клавдия Петровна.

Я шагнула внутрь.

Внутри было не так страшно, как снаружи. Пахло сухой землёй, старой древесиной и... огурцами? Среди кучи непонятных инструментов, вёдер и тряпок в углу темнел люк.

— Погреб? — догадалась я.

— Погреб, — подтвердила бабка.

Она кряхтя нагнулась, ухватила за деревянную крышку — та глухо ударилась о земляной пол.

— Я туда не полезу, — заявила я, попятившись.

— Ещё как полезешь, — рявкнула Клавдия Петровна. — Мне нужны банки с компотом. Нижняя полка, слева.

— Вы вообще видели, что там? Глубина любая? Мыши?

— Глубина — не глубже меня ростом. А к мышам привыкай, — старуха сунула мне в руку фонарик. — На, не заблудишься. И не ной.

Я посмотрела на фонарик. Электрический, слава богам — не свечка.

— Ладно, — вздохнула я, понимая, что спорить бесполезно. — Но если меня там съедят — вы будете виноваты.

— Не съедят, — Клавдия Петровна почти улыбнулась. — Ты слишком костлявая.

Я присела, опустила ноги в погреб. Нашупала ступеньку, вторую. Холодный, сырой воздух пахнул в лицо — пряный, с горчинкой.

— Может, вы спуститесь сами? — жалобно спросила я.

— Я пожилая женщина, — напомнила бабка. — Или ты хочешь меня там хоронить?

— Не хочу.

Я пошла вниз, стараясь не смотреть по сторонам. Ступеньки были скользкими, но крепкими. Три шага, четыре — я на дне.

Зажгла фонарик.

Погреб оказался не таким уж и страшным. Земляные стены, укреплённые досками, полки с банками — компоты, соленья, варенья. И какой-то проход в глубине, уходящий в темноту.

— Александра! — донеслось сверху. — Видишь проход?

— Вижу, — отозвалась я.

— Ступай по нему. Банки в нише, слева.

Я наклонилась, чтобы пролезть в туннель — рост у меня невеликий, но всё равно пришлось пригнуться. Сделала шаг.

— Александра, под ноги! — крикнула бабка.

— Ай! — я запнулась о какой-то порожек и едва не упала, приложившись головой о перекрытие.

— Голова! — снова крикнули сверху.

— Ай! — я уже сама ударилась макушкой о деревянную балку. — Клавдия Петровна! Вы не могли бы предупреждать заранее?!

— А для чего тебе глаза и фонарик? — донеслось в ответ. — Или в городе их отключают? Я выругалась шёпотом, но достаточно громко, чтобы старуха услышала и хмыкнула.

«Ничего, — подумала я, потирая ушибленную голову. — Переживу. Это просто погреб, а не лабиринт Минотавра.»

Наконец я добралась до ниши. Банки стояли аккуратными рядами — трёхлитровые, с тёмным компотом, в котором плавали яблочные дольки. Штук десять, нет, пятнадцать.

Я присела, чтобы взять две крайние, и тут...

Пи-и-и-и-ик!

Протяжный, тонкий звук раздался откуда-то из-под нижней полки.

Я замерла.

— Клавдия Петровна, — позвала я шёпотом.

— Ну чего ещё?

— А мыши тут есть?

Тишина. Потом бабка ответила с лёгкой издевкой:

— Окаянная, ты думаешь, мышей в погребе нет? Конечно, есть. Чем бы они ещё зимой питались?

Пи-и-и-ик!

Теперь звук был ближе. И громче.

Я схватила две трёхлитровки — по одной в каждую руку — и, забыв обо всём на свете, рванула обратно. Ступеньки, порожек, балка — на этот раз я ударилась уже не головой, а плечом, но даже не заметила.

Выскочила из люка, пыхтя как паровоз, и сунула банки в руки Клавдии Петровне.

— Держите, — выдохнула я. — Всё. К мышам сами полезайте.

Бабка даже не шелохнулась. Спокойно приняла банки, поставила на землю.

— Ты ещё три забыла.

— Я три не забуду, — я упёрла руки в бока. — Я туда больше вообще не полезу. Ни за какие коврижки.

— Полезешь, — Клавдия Петровна посмотрела на меня с высоты своего небольшого роста, но взгляд был такой, что я сразу почувствовала себя нашкодившим котёнком.

— Если хочешь вылечиться, с характером придётся попрощаться. Мыши не кусаются, если их не трогать.

— А если они сами трогают?

— Тогда бей банкой, — серьёзно ответила бабка.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то едкое, но она уже развернулась и пошла к дому, неся банки в подоле фартука.

— И медунку не забудь! — крикнула на ходу.

— Да помню я, помню! — крикнула в ответ.

Оставшись одна, я перевела дух. Солнце уже поднялось выше, роса исчезла. Где-то в лесу запела птица.

Из-за угла выглянул петух, посмотрел на меня с явным презрением и демонстративно отвернулся.

— Ты следующий, — пообещала я ему.

Петух обиженно кукарекнул и убежал.

А ведь день только начинался.

В лес я взяла телефон. Чтобы позвонить Лёше. На мой звонок вновь не было ответа. Гудки шли один за другим, а внутри медленно разрасталась тяжёлая, противная пустота. Я сбросила, набрала снова. Та же история.

Внутренние сомнения вновь стали подкрадываться.

Может, он на смене? Может, забыл зарядить телефон? Может...

Но в голову лезло совсем другое. Картинка, которую я пыталась забыть. Спрятать подальше, в самый тёмный угол памяти.

Почему она всплыла именно сейчас?

Я шла по узкой лесной тропе, переступала корни и лужи, а перед глазами стоял тот самый субботний вечер. За несколько недель до отъезда.

...Был обычный субботний вечер. Я сидела на кухне, пила чай и смотрела, как Лёша сражается с боссом в какой-то игре на телефоне. Его пальцы летали по экрану с такой скоростью, будто от этого зависела судьба мира.

— Лёш, — позвала я.

— Мгм, — ответил он, не поднимая глаз.

— Я вчера была у врача. Опять.

— Мгм.

— Сказали, что не знают, что со мной. Посоветовали обратиться к психотерапевту.

— Обратись, — он нахмурился, промахнулся по кнопке, и его персонаж, судя по звуку, умер. — Блин.

— Ты меня вообще слушаешь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Слушаю, — Лёша поднял голову, но взгляд его был рассеянным. — Сказали обратиться к психологу — ну иди. Может, поможет.

— А ты пойдёшь со мной?

Он удивился.

— Зачем? Это же твои проблемы, не мои.

Я проглотила комочек в горле.

— Думаешь, это не наши проблемы?

— Саш, — он вздохнул с лёгким раздражением. — Я тебя люблю. Но я не могу решать твои медицинские вопросы. Я не врач.

— Я и не прошу решать. Прошу быть рядом.

— Я и так рядом. Сажу с тобой на кухню.

Он улыбнулся — той самой своей улыбкой, из-за которой я когда-то влюбилась. Открытой, мальчишеской, тёплой. И я, как всегда, повела. Позволила себя уговорить, что всё в порядке.

— Иди ко мне, — он похлопал по колену.

Я встала, подошла, села к нему на колени. Он обнял меня одной рукой, второй продолжал листать телефон.

— Завтра в кино ходим? — предложил он.

— Давай, — я положила голову ему на плечо.

На самом деле мне не хотелось в кино. Мне хотелось, чтобы он отложил телефон, обнял двумя руками и спросил: «Что с тобой происходит, Саш? Я волнуюсь». Но он не спрашивал. Он вообще редко спрашивал.

Я погладила его по щеке. Он машинально поцеловал меня в макушку и снова уставился в экран.

Из коридора вышла Соня, закутанная в халат, с кружкой кофе.

— О, у вас тут романтика, — усмехнулась она. — Не помешаю?

— Садись, — сказал Лёша, освобождая руку, чтобы помахать ей.

Я слезла с его колен, села на свой стул. Соня плюхнулась напротив, болтая босыми ногами.

— Кошей опять сбросил цветок с подоконника, — пожаловалась она. — Я его уже третий раз поднимаю.

— Продай кота, — посоветовал Лёша.

— Себя продай, — огрызнулась Соня.

Они начали шуточно переругиваться. Легко, естественно, без той неловкости, которая иногда возникала между мной и Лёшей. Я смотрела на них и чувствовала себя лишней. Соня и Лёша всегда находили общий язык — иногда легче, чем я с ним.

Я встала, убрала чашку в мойку.

— Я пойду лягу, — сказала я. — Голова болит.

— Спокойной, — бросил Лёша, не оборачиваясь.

— Выздоровливай, — добавила Соня.

Я закрыла дверь в комнату, легла на кровать и уставилась в потолок.

«Почему мне кажется, что я чужая в собственном доме? — подумала я. — Почему он так смотрит на неё?»

Я помотала головой, отгоняя глупые мысли.

Просто устала. Просто болезнь. Всё наладится.

Я закрыла глаза, но сон не шёл. Из коридора доносился приглушённый смех — Лёша и Соня о чём-то весело болтали на кухне. Я натянула одеяло до подбородка и прошептала себе:

— Завтра всё будет лучше. Обязательно.

Но завтра было так же.

И послезавтра — тоже.

Я вынырнула из воспоминания, как из холодной воды. Тропинка вывела на опушку. Я остановилась, перевела дух. Пальцы всё ещё сжимали телефон, на экране — последний вызов Лёше. Без ответа.

Почему в голове вновь этот момент? — спросила я себя. — Почему именно сейчас?

— Просто думаю не о том, — остановила я себя.

Вдалеке показался маленький пруд. Я решила отвлечься и подошла к нему.

Вся водная гладь была окружена кувшинками. Вряд ли они дикие — скорее, кто-то специально посадил их здесь. Но кто?

Я подошла ближе. Вода казалась тёмной, почти чёрной, а кувшинки — белыми и жёлтыми, как фарфоровые тарелки. Они покачивались на лёгкой ряби, словно манили к себе.

Я присела на корточки у самого берега, протянула руку к одной, самой крупной. Хотя бы прикоснуться, хотя бы почувствовать прохладную гладкость лепестков.

— Кто?

Грубый, низкий голос раздался как гром среди ясного неба.

Я вздрогнула так сильно, что потеряла равновесие. Краем глаза успела заметить чей-то силуэт — и в следующее мгновение полетела в воду.

Холод ударил по телу, как плетью.

Я попыталась всплыть, но куда там — плавать я не умела. Ноги запутались в зарослях, руки хватали любые веточки и камни, а тело камнем пошло вниз.

— На по...мо...щ! — закричала я, но открыла рот — и тут же почувствовала, как лёгкие сдавило водой. Ни звука, ни воздуха. Только холод, темнота и паника, сжимающая горло.

Пруд оказался далеко не маленьким. И очень глубоким.

Я шла ко дну, глядя вверх, на мутную поверхность, сквозь которую пробивалось солнце. И почему-то в последнюю секунду, когда мысли уже начали путаться, я успела подумать:

Как глупо. Утонуть в пруду. Не от болезни. Не от приступа. А потому, что меня напугал какой-то мужик.

А потом темнота сомкнулась.

Чей-то голос больно ударил по голове — даже сквозь темноту, даже сквозь воду, которая всё ещё стояла в ушах.

— Я эту каргу убью, — голос был злой, но приглушённый, будто говорили через стену. — Велел следить, а та чуть не утонула.

Голос был знакомым. Где-то я его слышала. Недавно.

— Приведи себя в порядок, пока я ей помогу, — ответил женский. Спокойный, ровный, чуть усталый. — И вообще, что это с тобой? Ты же всегда такой сдержанный.

— Будешь тут с вами сдержанным, — усмехнулся второй голос.

Влад.

Я узнала его интонацию. Бархатную, с лёгкой хрипотцой.

Стоп.

Какого?!

Я резко распахнула глаза.

===== Часть 6 =====

Я резко распахнула глаза и села на кровати — точнее, подскочила, как ужаленная. Сердце колотилось где-то в горле.

Комната, в которой я оказалась, была совершенно незнакомой. И это мягко сказано. Если бабкина изба напоминала уютное гнёздышко с травмами и потрескивающими половицами, то здесь пахло дорогим деревом, стариной и деньгами. Большими деньгами. Такими, которые не снимают в кино, а живут в них. Высокие потолки с лепниной, тяжёлые портьеры из бархата, массивная мебель из тёмного дерева — шкафы, комоды, какая-то этажерка с фарфоровыми безделушками. А кровать... Я опустила взгляд. Кровать была с балдахином. Настоящим, из расшитого шёлка.

— Принцесса Диана отдыхает, — пробормотала я, осторожно трогая простыни. Шёлк. Я в жизни на таком не спала. Даже в самых смелых мечтах, когда представляла, как разбогатею и куплю квартиру с евроремонтом.

Я огляделась в поисках чего-нибудь знакомого: телефона, или вещей, но вокруг не было ничего. В коридоре слышались шаги. Дверь скрипнула, и на пороге появился Влад. Я сделала мысленную пометку: он всегда эффектно входит. В прошлый раз — из леса, как леший из чащи. В этот — из коридора, как хозяин жизни.

Только сейчас он был по пояс голый. С его волос ещё капала вода — видимо, он только что вышел из душа. Капли стекали по плечам, по груди, по рельефным мышцам живота, и он лениво вытирал голову полотенцем, даже не глядя на меня. Так, будто полуголым разгуливать перед незнакомыми девушками — его повседневная рутина.

— «Неужели это он меня вытащил из воды?» — промелькнуло в голове.

Я постаралась смотреть на его лицо. Честно пыталась. Но глаза предательски скользили ниже, и я ничего не могла с этим поделать.

Тело у Влада было такое, что фитнес-тренеры зарыдали бы от зависти. Широкие плечи — хоть дверной проём раздвигай, узкие бёдра, спина, казалось, вырезана из гранита. Пресс — как на картинках из анатомического атласа, только вживую и без подписи. Каждая мышца, каждая линия выглядели совершенными, будто скульптор лепил этого мужчину несколько тысяч лет, подбирая идеальные пропорции.

— «Да такое я только в кино видела, — усмехнулась я про себя. — И то сомневаюсь, что там без компьютерной графики.»

Влад заметил мой взгляд. Его губы чуть дрогнули в лёгкой усмешке. Не надменной, а скорее насмешливо-спокойной — как у человека, который привык к таким реакциям и давно перестал их замечать, но иногда всё же забавляется.

— Вот паразит, — прошептала я себе под нос, чувствуя, как щёки заливают краской.

Он прошёл в комнату, остановился у окна, скрестив руки на груди. Мышцы напряглись — я снова отвела взгляд и уставилась в пол.

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

— Это ты меня вытащил из воды? — спросила я, решив не ходить вокруг да около.

— Как видишь, — он повернулся ко мне, и свет из окна упал на его тело. — У меня только один вопрос: что ты забыла на моём пруду?

— Я собирала медуницу. Увидела пруд, кувшинки красивые, захотела посмотреть...

— И решила нырнуть? — перебил он.

— Я не собиралась нырять! — возмутилась я, вскидывая руки. — Я просто протянула руку к цветку, а вы заорали сзади! Я испугалась, сорвалась и упала!

— Я не орал. Я спросил: «Кто?» — в его голосе появилась лёгкая усталость. — Спокойно спросил.

— Громко спросил! — я повысила голос, хотя понимала, что выгляжу глупо. — И с неожиданной стороны!

Он вздохнул. Упёрся плечом в косяк, снова скрестил руки — теперь я уже не отводила глаза, потому что злость пересилила смущение.

— Спорить с тобой бесполезно, — сказал он. — Ты вообще не поменялась.

— С чего бы мне меняться? — фыркнула я. — Я себя не переделывала последние... — я осеклась. — Подожди. Что значит «не поменялась»? Ты меня раньше знал что-ли?

Он замер на долю секунды. Достаточно долгую, чтобы я заметила.

— Фигура речи, — ответил он сухо и, видимо, решив сменить тему, добавил: — Идём вниз. Вода холодная, ты замёрзла. Пока ты была без сознания, напоить чаем тебя не могли.

— Сколько я была без сознания?

— Около часа.

Я представила, как Клавдия Петровна мечется по избе, проклиная меня и Влада на чём свет стоит.

— Мне нужно позвонить бабке. Она, наверное, с ума сошла.

— Я уже звонил, — ответил Влад. — Сказал, что ты в порядке и скоро вернёшься.

— И что она?

— Ответила: «Пусть у тебя и остаётся, раз такая беспамятная». И бросила трубку.

Я закрыла глаза на секунду. Отлично. Теперь бабка считает, что я специально сбежала от ее работы.

В этот момент вспомнился женский голос, который слышала сквозь темноту.

— А ваша девушка не будет против? — спросила я. — Что я здесь? Вы ей объяснили, что это из-за вашей вины я чуть не утонула?

— Моя девушка? — Влад поднял бровь. Это у него вышло красиво — с лёгким недоумением и прохладцей.

— Ну да. Я слышала женский голос, когда приходила в себя.

— Натали — моя помощница, — пояснил он. — Не девушка.

— А роман с помощницей — это удобно, — заметила я, не удержавшись от лёгкой колкости. — Всегда под рукой.

— Ты невыносима, — сказал он, но без злости — скорее с какой-то странной теплотой, которая совсем не вязалась с его холодным образом.

— Спасибо, — ответила я, поднимаясь с кровати и хрустнув шеей. — Я знаю.

Он открыл дверь и жестом пригласил следовать за ним.

— Пойдём.

Мы вышли в коридор. И я замерла. Коридор был огромным — метров пятнадцать в длину, с высокими потолками и массивными дубовыми дверями по обеим сторонам. Я насчитала шесть только слева, и коридор уходил дальше, за поворот.

— Слушайте, Влад, — спросила я, ускоряя шаг, чтобы не отставать (он шагал так, будто привык, что все за ним бегут), — а у вас тут гостиница? Или вы коллекционируете комнаты?

— Это мой дом, — ответил он, не оборачиваясь.

— У вас двадцать комнат? Вы здесь один живёте?

— Один.

Он сказал это спокойно, без тени жалости к себе, и я почему-то подумала, что в этом доме очень одиноко. Словно сам дом был похож на хозяина. Но я промолчала.

— А как мне к вам обращаться? — спросила я, пока мы проходили мимо очередной двери. — Полное имя или можно сокращённо?

— Зови меня просто Влад.

— Хорошо, — я покосилась на дверь с бронзовой ручкой. — А что там?

— Библиотека.

— У вас есть библиотека?

— Удивлена?

— Удивлена, что вы её не назвали «тренажёрный зал номер два», — честно ответила я.

Он ничего не сказал, но, кажется, чуть усмехнулся.

Мы свернули за угол, и я увидела лестницу. Огромную, с широкими ступенями из светлого дерева, коваными перилами и резными балясинами. Такие лестницы я видела только в исторических фильмах про английских лордов.

— Ничего себе, — выдохнула я, считая ступеньки. — Двадцать три. И это только первый пролёт.

— А у бабки всего две ступеньки, — заметила я. — И то на них можно шею сломать.

Влад, услышав это, замедлил шаг. Поравнялся со мной.

Маленький жест. Ничего особенного. Но внутри что-то тепло отозвалось.

Я вспомнила, как Лёша в начале наших отношений тоже замедлял шаг, чтобы я за ним успевала. Потом перестал. Сначала не замечал, потом делал вид, что не замечает.

— Ты улыбаешься, — заметил Влад.

— Вспомнила кое-что, — ответила я, пряча улыбку.

Он хмыкнул — коротко, без комментариев.

— «Хмыкалка», — подумала я. — Любит же он хмыкать.»

Мы спустились вниз. Гостиная оказалась ещё роскошнее, чем комната наверху: высокие окна в пол, камин из тёмного камня, огромные кожаные кресла, диваны, на которых можно потеряться, и низкий столик из цельного куска дерева. На столике уже стоял чай — фарфоровый заварник, две кружки, тарелка с печеньем.

— Вы предусмотрительный, — заметила я, садясь на диван. — Даже без сознания девушки, успеваете чай приготовить.

— Лидия принесла, — ответил Влад, усаживаясь в кресло напротив.

Я взяла кружку. Чай оказался мятным, с мёдом. Тёплый и успокаивающий.

— Влад, — сказала я, сделав глоток. — У вас всегда так: гостей из пруда вылавливаете, чаем поите, а потом перед ними голышом красуетесь?

Он посмотрел на меня поверх кружки.

— Во-первых, ты не гостя. Во-вторых, гостей мне не приходится вытаскивать из моего же пруда.

— У вас там не пруд, а колодец, — фыркнула я. — Я чуть не утонула.

— Я же вытащил. — наклонив голову, проговорил хозяин дома.

Наш разговор прервал писклявый голосок. В следующее мгновение дверь открылась и на пороге стоял молодой парень. Лет 25. Спортивное телосложение и карие глаза, словно даже красные. Кудрявый волос. Темные закутки красиво падали на лицо.

— Владусик, — пропел парень, — ты по мне не соскучился?

Заметив меня парень резко остановился, удивленно округлив глаза.

— У нас гости?

— У нас? — повернувшись в шоке к Владу спросила я.

— У меня гости, Ник. А ты должен сейчас работать.

Влад говорил спокойно, а Ник продолжал меня рассматривать. Подойдя ближе ко мне.

— Говорю же, соскучался. Ну ты тут без меня не скучаешь.

— Как видишь — сузив свои голубые глаза, проговорил мужчина. — Александра знакомься, это моя правая рука Никита Граков. Ник, это моя соседка Александра.

— Очень, приятно познакомится — театрально пожимая мою руку проговорил он.

— Иди принеси лучше еще чая — дав указанию Нику, Влад тоже поднялся.

— Окей. — Ник удалился. Влад зашел в соседнюю комнату, выйдя уже в футболке.

— Что-нибудь болит? — прямо спросил он меня.

Я прислушалась к себе. Голова немного кружилась, в ушах шумело, но приступов не было. Ни боли, ни судорог, ни паралича.

— Нет, — удивилась я. — Всё в порядке.

— Отдыхай, — коротко сказал он и взял в руки телефон, давая понять, что разговор окончен.

Я допила чай, разглядывая гостиную. Три двери вели из неё в разные стороны — наверное, на кухню, в кабинет и ещё куда-то.

Вдруг одна из дверей открылась.

На пороге стояла девушка. Лет двадцати пяти — двадцати семи. Чёрные волосы убраны в низкий пучок, карие глаза, выразительный нос, тонкие губы. На вид — спокойная и деловая. Но взгляд...

Она перевела глаза на меня и посмотрела так, будто я была не человеком, а досадной помехой. Холодно, оценивающе, с лёгкой брезгливостью.

Вот она — Натали, — поняла я. — И ей категорически не нравится, что я здесь сижу в с чашкой чая.

— Здравствуйте, — сказала я миролюбиво.

— Здравствуйте, — ответила она сухо, даже не кивнув.

Влад оторвался от телефона.

— Натали, ты принесла документы?

— Да, Владимир Викторович, — она подошла и протянула ему стопку бумаг. — Всё, как вы просили.

— Хорошо. Можешь быть свободна.

Натали бросила на меня последний взгляд — ледяной, как зимняя погода — и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

— Дружелюбная девушка, — заметила я. — Душа компании.

— Она хороший работник, — ответил Влад, не поднимая головы.

— Не сомневаюсь.

Я поставила кружку.

— Влад, мне пора. Бабка, наверное, с ума сошла. Или уже заявление в полицию написала. Он отложил бумаги и встал.

— Хорошо. Я отвезу тебя. Твои вещи наверху, в комнате, где ты очнулась. Соберись и спускайся.

Я хотела возразить, что могу и сама, но по его лицу поняла: спорить бесполезно.

Я поднялась в комнату. Мои вещи лежали на стуле — влажные, но аккуратно сложенные. Джинсы, футболка, даже носки отдельно.

Натали постаралась? Или Влад? — я задумалась. Лёша никогда бы не стал складывать чьи-то вещи. Лёша свои носки по всей квартире разбрасывает, а мои даже не замечает.

Я переоделась в сухое, упаковала мокрое в пакет и вдруг замерла.

Телефон.

Я обшарила карманы. Пакет. Карманы штанов, которые сняла. Перетряхнула пакет с мокрыми вещами. Под кровать заглянула.

Телефона не было.

— Чёрт, — выдохнула я. — Чёрт-чёрт-чёрт.

Схватив пакет, я вылетела из комнаты, чуть не слетела с лестницы и ворвалась в гостиную.

— Влад! — закричала я. — Мой телефон! Вы его не видели?

Он поднял голову. На нём уже была белая футболка и серые спортивные штаны. Мы выглядели почти одинаково — белый верх, тёмный низ. Кто не знает, подумал бы, что мы пара.

— Скорее всего, он утонул, — спокойно ответил он.

— Как утонул?! — я почувствовала, как земля уходит из-под ног. — Там все контакты! Фотографии! Переписка! Я даже Лёше позвонить не смогу!

— Я куплю тебе новый, — сказал он, поднимаясь.

— Не надо. Сама куплю.

Мы прошли мимо кухни — огромной, с окнами в пол и мраморной столешницей. О такой я мечтала всю жизнь, когда работала на двух работах и снимала крошечную квартиру с текущим краном.

— Боже мой, какая красота, — не удержалась я.

— Тебе нравится? — Влад даже не обернулся.

— Очень.

Он ничего не сказал, но мне показалось, что он чуть замедлил шаг.

В маленькой прихожей я увидела свои кроссовки — мокрые, в грязи, с прилипшими листьями. От них, наверное, уже можно было отрезать и продавать как арт-объект.

Я потянулась к ним, но меня опередила рука Влада. Тёплая, большая ладонь обхватила моё запястье. Я вздрогнула и выдернула руку.

— Лучше надень мои тапки, — сказал он. — Кроссовки мокрые, простудишься.

— Извините, но я не знаю, когда верну вам обувь. Не хочу брать чужое.

— Ничего страшного, — он протянул мне шлёпки.

Я посмотрела на них. Идеальный размер. Тридцать восьмой. А у Влада, судя по его ногам, сорок пятый. Сорок шестой.

— Это не ваши тапки, — сказала я.

— Мои.

— У вас нога сорок пятая. У меня тридцать восьмая.

— Как видишь в моем доме есть все, — спокойно ответил он.

— Ладно, — сказала я, чтобы не молчать. — Спасибо.

Я надела тапки. Они сидели идеально. Мы вышли на улицу. Недавно прошёл дождь — воздух пах свежестью, землёй и мокрыми листьями. Солнце уже садилось, и небо над лесом окрасилось в розовые и синие тона. Так красиво, что у меня перехватило дыхание.

— Какая красота, — сказала я, глядя на закат.

— Не запнись, — ответил Влад, чем еще смутив меня.

Я пошла за ним к гаражу — обогнули угол дома, и он нажал на брелок.

Чёрный «Гелендваген» моргнул фарами.

— Ого, — выдохнула я. — Сашечка, ты растёшь, — добавила шёпотом. — В первый раз буду ехать в такой машине.

— Садись, — Влад открыл пассажирскую дверь.

Я села в мягкое кожаное кресло. В салоне пахло кожей и дорогим парфюмом. На панели — куча кнопок, которых я не понимала.

— Вы всегда ездите на таких монстрах? — спросила я, когда он завёл двигатель.

— По этой дороге — да, — ответил он, плавно выезжая со двора.

Мы ехали молча минут пятнадцать. Я смотрела в окно на лес, который постепенно темнел.

— Влад, — спросила я, не поворачивая головы.

— Да?

— Кем была та женщина, на которую я похожа?

Он помолчал. Долго. Я уже думала, что не ответит.

— Той, кого я потерял, — сказал он наконец. — Очень давно.

— И вы до сих пор её ищете?

— Я её жду, — поправил он. — Уже несколько ...лет.

Я не нашлась, что ответить.

Подъехав к дому Клавдии Петровны. Я вылезла из машины, повернувшись к Владу.

— Спасибо, — сказала я. — В следующий раз постараюсь не падать в воду.

— Постарайся.

Я пошла к калитке. Уже открыв её, услышала:

— Александра.

Я обернулась.

Влад смотрел на меня из окна машины.

— Не ходи больше одна к пруду, — сказал он.

— Договорились, — ответила я.

И зашла во двор.

Дверь бабкиного дома была открыта. На пороге стояла Клавдия Петровна с полотенцем в руках и смотрела на меня так, будто я была котом, который принёсдохлуюмышь.

— Жива? — спросила она.

— Жива, — ответила я. — Сухая, тёплая, почти здоровая.

— В баню, — коротко бросила бабка. — И расскажешь, какого лешего ты полезла в его пруд.

— Я не лезла, меня напугали...

— В баню, — повторила она железным голосом.

Я вздохнула и пошла.

===== Часть 7 =====

Как только я вернулась из бани, бабка меня атаковала.

— Ну, что, — скрестив руки на груди, проговорила Клавдия Петровна. — Рассказывать ничего мне не хочешь?

— Клавдия Петровна, я очень устала, — ответила я, стараясь звучать миролюбиво. — Да и рассказывать нечего. Угодила в пруд, меня вытащил Влад. Вот так вот и получилось.

— Какой, однако, у нас Влад благородный человек, — саркастичным тоном протянула она.

«Интересно, почему она так к нему относится?» — подумала я, но вслух спросила другое:

— Он вам не нравится?

— Мне незачем, чтобы он мне нравился или не нравился, — отрезала бабка. — Я не девица молодая, чтоб его в женихи рассматривать.

— Тогда почему вы злитесь? — спросила я прямо.

Клавдия Петровна поджала губы.

— Да потому что я на свету много повидала. А ты, девка, молодая да дурная ещё. Этот тебе запудрит мозги, а ты не успеешь клювом щёлкнуть, как уже в его сети попадёшь. А потом мне лечить тебя от разбитого сердца.

— А вы способны вылечить от разбитого сердца? — спросила я с лёгкой усмешкой.

Бабка посмотрела на меня долгим взглядом.

— Знала ли ты, девка, что то, что мы называем сердцем, по сути является душой? Сердце — орган, который не способен чувствовать. А вот душа способна. И каждый раз, когда нам причиняют боль, от души отрывается лоскуток. Чем сильнее боль, тем больше лоскут.

Я замерла.

— Да с чего вы взяли, что он мне вообще может понравиться? — ответила я. — У меня Лёша есть.

— Смотри мне, девка, — пригрозила бабка, подняв палец. — Узнаю, что с этим водишься — пощады не жди.

— Да хорошо, хорошо, — кивнула я, чтобы прекратить этот разговор.

Бабка развернулась и ушла в свою комнату, а я устроилась на диване.

День был реально сумасшедший. Сон не заставил себя ждать. Странно, но в последнее время я всё чаще замечала, что сонного паралича нет. Может, это воздух так действует?

«Блин, надо с телефоном разобраться, — подумала я уже сквозь дрему. — Если он утонул, как я его теперь спасу? И даже до Лёши не дозвониться.»

Утром я встала со спокойной душой. Потянулась в солнечных лучах, почувствовала, как тело наполняется чем-то тёплым и живым. На улице стояла тишь да гладь. Единственное, что омрачало это утро — бабка, которая уже начала меня отчитывать за какой-то очередной косяк. Я уселась на крыльцо и покорно кивала, признавая свою вину. После того как утренняя лекция закончилась и отвар был выпит, возле калитки показалось знакомое лицо.

Если не ошибаюсь, это Ник.

Я не заметила, как он оказался там, и вздрогнула от его голоса.

— Доброе утро, молодая девушка! — с очаровательной улыбкой произнёс он.

На нём был спортивный костюм, который красиво облегал тело. Не скажу, что он такой же спортивный, как Влад, но покрасоваться есть чем.

Он открыл калитку и прошёл внутрь.

— Клавдия Петровна, как ваше самочувствие? — начал он.

— А тебе что надо, окаянный? — недовольно проворчала бабка.

— «Интересно, ей хоть кто-нибудь нравится?» — подумала я, махнув Нику в знак приветствия. Странное ощущение, но он казался неплохим парнем.

— Клавдия Петровна, вы, как всегда, бесподобно ворчливы и грозны, — протянул Ник, прижав руки к сердцу. — А я за вашей милой спутницей.

— За мной? — я поднялась с крыльца. — Не поняла.

— За тобой, красавица. — Ник сделал шаг вперёд. — Если не ошибаюсь, ты вчера утонула телефон в Владовом пруду? Поэтому в честь извинений я доставлю тебя до места назначения. Сегодня я твой личный водитель.

Я задумалась. Даже самый дешёвый телефон можно приобрести, чтобы хоть как-то держать связь. Я перевела взгляд на Клавдию Петровну — если бабка меня отпустит, будет вообще счастье.

Но та сверлила Ника грозным взглядом.

Ник, заметив это, понял, кого нужно атаковать. Началась получасовая мольба, заверения, клятвы и обещания. Ник говорил, что он «в одно мгновение будет там, а в следующее уже здесь», что он «глаз с неё не спустит» и что «отвечает головой».

Клавдия Петровна скрипя зубами всё-таки отпустила меня.

Я быстро переоделась: джинсы, кофта, рюкзак — и выскочила на улицу.

Ник приехал на чёрном Лексусе.

— «Мне вот интересно, откуда такие машины в такой глуши?» — промелькнула мысль, но я промолчала.

Ник по-голландски открыл мне дверь, приглашая присесть. Я устроилась в салоне — пахло кожей и дорогим парфюмом. Как только Ник сел за руль, мы тронулись.

Дорога оказалась... долгой.

Мы ехали не час — мы ехали, наверное, два часа. По разбитой дороге, на обычной машине можно добраться за тридцать минут, но из-за того, что Лексус был низким, мы ехали медленно: объезжали ямы, тормозили на каждой кочке.

Ник о чём-то щебетал, рассказывал какие-то истории. Я особо не вникала, лишь изредка кивала и выдавливала улыбку.

Но одна деталь меня начала напрягать.

Каждая проезжающая мимо машина нам сигнализала.

— Что происходит? — спросила я, прерывая очередную историю Ника.

— Ты о чём? — не понял он.

— Почему все нам сигнализируют?

— Да дурачки какие-то, — беззаботно отмахнулся он, крутя руль.

Я покосилась на него.

— Ты уверен, что всё хорошо?

Сразу после моих слов я заметила стук. Сначала я не придавала ему значения, но с каждым километром он становился всё сильнее.

— Да нормально, — сказал Ник.

— Ты уверен?

Стук нарастал. Словно вся машина билась о булыжник.

— Да тут дорога такая. Поэтому и приходится так ехать.

Ещё через пару километров я не выдержала.

— Нет, давай остановимся и проверим. Всё-таки ненормальный стук от машины идёт. Я хоть и не водитель, но приблизительно понимаю: когда машина вся трясётся — это не норма.

Ник вздохнул, но нажал на тормоз.

Стук усилился. Причём так, что машины рядом стали очень яростно нам сигнализать.

Мы остановились на обочине.

Ник с раздражением расстегнул ремень и вышел из машины. Я осталась сидеть, всё ещё пристёгнутая.

Он обошёл машину, остановился у переднего колеса с водительской стороны.

И замер.

Я не видела его лица, но по напряжённой позе поняла: что-то не так. Я отстегнулась и вышла.

Подошла к нему — и сама замерла.

Переднего колеса... не было. Ну, то есть диск был. Гнутый, покорёженный, искореженный — но покрышки не было.

Совсем.

— Твою ж дивизию, — выдохнул Ник.

— Как долго мы ехали на диске? — спросила я.

— Не знаю, — он провёл рукой по лицу. — Километров десять, наверное.

— Как ты не заметил?!

— Дорога разбитая, я думал — это ямы!

Я посмотрела на диск, потом на Ника, потом на пустынную дорогу.

— И что теперь?

Ник почесал затылок. Впервые за утро на его лице не было улыбки.

— Теперь будем думать.

— В смысле «будем»? Ты — водитель. Ты и думай.

— Думаю, — он вздохнул и достал телефон.

Связи не было.

— Чёрт, — сказал Ник.

— Чёрт, — согласилась я.

Мы стояли посреди трассы, на которой резко стало мало машин, рядом с Лексусом без колеса, и солнце поднималось всё выше.

— «Как же я вляпалась, — подумала я. — Сначала в пруд к Владу, теперь на трассе с Ником.»

— Ну что, красавица, — Ник повернулся ко мне, и в его глазах всё-таки промелькнула искра прежнего веселья. — Похоже, наша поездка в город откладывается. Придётся звать на помощь.

— Кого?

— Естественно, того, у кого есть внедорожник и который не спросит лишнего.

Он набрал номер.

Я поняла, кого.

— Владусик, привет, — сказал Ник в трубку. — У нас тут небольшая проблема. Точнее, у меня. Я, кажется, потерял колесо.

Я закрыла лицо руками.

День начинался просто замечательно.

Ник говорил по телефону недолго, но очень выразительно. Я слышала только его часть диалога, но даже этого хватило, чтобы понять: Влад не в восторге.

— Да ладно тебе, Владусик, — Ник обвёл рукой наш автомобильный труп. — Ну, подумаешь, колесо. Бывает. У всех бывает. Ты никогда колёса не терял? ... Что значит «никогда»? А, ну ты везучий, а я вот не очень. Короче, приезжай, а? Тут ещё Александра скучает. Да, та самая. Ага. Понял, убьёшь.

Он сбросил звонок и повернулся ко мне с лучезарной улыбкой.

— Едет.

— Чему ты радуешься? — спросила я, не разделяя его энтузиазма. — У нас нет колеса. Мы посреди трассы. У меня нет телефона. А ты только что признался своему боссу, что угробил его машину.

— Во-первых, машина моя, — Ник поднял палец. — Во-вторых, не угробил, а временно вывел из строя. В-третьих, Влад не босс, он партнёр. В-четвёртых... — он задумался. — В-четвёртых, я просто рад, что не один здесь торчу.

Я вздохнула. Спорить с ним было так же бесполезно, как с бабкой. Только энергия разная: у бабки — грозовая, у Ника — солнечная, но не менее утомительная.

Мы сели на обочину. Ник тут же начал рассказывать очередную историю — про то, как однажды у него отвалилось зеркало на трассе, и он примотал его изолентой, и так проехал триста километров. Я слушала вполуха, поглядывая на дорогу.

Лес вокруг был красивым. Не таким, как рядом с бабкиной избой — там берёзы, а здесь больше сосен и елей. Воздух пах смолой и нагретой хвоей. Где-то вдалеке стучал дятел, и это был единственный звук, кроме голоса Ника.

— ...а он говорит: «Ты вообще знаешь, сколько это зеркало стоит?» А я говорю: «Знаю. Поэтому и изоленту взял, чтобы не разбилось». Короче, он обиделся, но через месяц мы помирились.

— Ник, — сказала я, перебивая его.

— А?

— Ты всегда такой... громкий?

Он улыбнулся.

— Наверное. Я думаю, что если человек рядом, он должен быть в курсе, что происходит у меня в голове. А там много всего происходит. Интересного.

— Я заметила.

Он хотел ответить, но вдруг замолчал и прищурился, глядя куда-то за мою спину.

— Едет, — сказал он.

Я обернулась.

Из-за поворота, поднимая облако пыли, ехал чёрный «Гелендваген». Тот самый.

Машина остановилась метрах в пяти от нас. Двигатель замолк, и стало тихо — даже дятел, кажется, притих.

Влад вышел. На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами, тёмные брюки, на лице — привычное спокойствие, в котором я уже научилась угадывать лёгкую усталость от происходящего. А волосы небрежное трогал ветер.

Он обошёл машину, посмотрел сначала на Лексус, потом на Ника, потом на меня.

— Ты, — сказал он Нику, — идиот.

— Здравствуйте, Владимир Викторович, — Ник изобразил шутовской поклон. — Тоже рад вас видеть.

— Колесо где? — спросил Влад, не обращая внимания на его театральность.

Ник показал на диск.

Влад посмотрел на него. Наклонился, осмотрел, выпрямился.

— Ты десять километров на диске ехал?

— Дорога разбитая, — пожал плечами Ник. — Я думал, это ямы.

Влад вздохнул. Посмотрел на меня.

— Ты как?

— Жива, — ответила я. — Не утонула. Не потеряла сознание. Даже почти не замёрзла.

— Повезло, — он перевёл взгляд на Ника. — С ней.

— Со мной тоже повезло, — добавил Ник. — Я бы без неё тут один сидел. Скучно.

Влад ничего не сказал. Подошёл к Лексусу, открыл багажник, достал запасное колесо и какой-то инструмент. Ник попытался помочь — Влад молча отодвинул его плечом.

— Стой, не мешай.

— Я могу...

— Стой.

Ник вздохнул, подошёл ко мне.

— Он всегда так. Ничего не доверяет.

— Может, он просто хочет сделать всё быстро и правильно? — предположила я.

— Может, — согласился Ник. — Но мог бы и полюбезнее.

Мы смотрели, как Влад меняет колесо. Делал он это быстро, чётко, без лишних движений. Через пятнадцать минут Лексус снова стоял на четырёх колёсах.

— Завтра отгонишь в сервис, — сказал Влад, вытирая руки. — Диск менять.

— А мы? — спросил Ник.

— Что «вы»?

— Саша в город собиралась. За телефоном.

Влад посмотрел на меня.

— Телефон утонул, — пояснила я. — В твоём пруду.

— Садись. Я отвезу.

— А моя машина? — спросил Ник.

— За твоей машиной придет человек, я договорился. Ты можешь отстать здесь, если хочешь.

Ник вздохнул, посмотрел на Лексус, потом на «Гелендваген». Потом на меня.

— Я решил. Еду с вами.

Мы пересели в «Гелендваген». Влад за руль, я на переднее сиденье, Ник сзади.

Салон был просторным, пахло кожей и той же дорогой туалетной водой, что и в прошлый раз. На панели — куча кнопок, половина из которых я не понимала.

— Пристегнитесь, — сказал Влад, заводя двигатель.

Мы тронулись.

Дорога пошла веселее. «Гелендваген» не замечал ям и кочек — он просто ехал, и всё. Я даже удивилась, как быстро мы проскочили тот участок, на котором Ник мучился полчаса.

— Вот что значит хорошая машина, — мечтательно протянул Ник с заднего сиденья. — Может, и мне такую?

— До первой ямы, — ответил Влад, не оборачиваясь.

— Обижаешь.

— Ну-ну.

Я улыбнулась. Между ними был какой-то свой ритуал — постоянные подколы, но при этом чувствовалось, что они друг к другу привязаны. Как старые друзья, которые знают все слабые места и всё равно остаются рядом.

— Саша, — Ник подался вперёд, положив подбородок на спинку моего сиденья. — А ты давно с Клавдией Петровной?

— Несколько дней.

— И как тебе?

— Сложно, — честно ответила я. — Она... она сильная женщина. Но мне кажется, она знает больше, чем говорит.

— Она всегда знает больше, чем говорит, — Ник усмехнулся. — Это её суперсила. А что за болезнь у тебя? — спросил он, и в голосе вдруг появилась серьёзность.

Я замялась. Посмотрела на Влада — он вёл машину, глядя на дорогу, но я чувствовала, что он слушает.

— Непонятная, — ответила я. — Приступы. Судороги. Паралич во сне. Врачи разводят руками.

— А Клавдия?

— Говорит, вылечит. Надо месяц пожить у неё.

— Ну, если она сказала — значит, вылечит, — Ник откинулся на сиденье. — Я знаю её давно. Она не бросает слов на ветер.

Мы замолчали.

Я смотрела в окно — лес постепенно редел, появлялись поля, потом первые дома на окраине города.

— Мы скоро? — спросила я.

— Минут двадцать, — ответил Влад.

— А где купим телефон?

— В салоне связи. Я знаю одно место.

— Самое дорогое, наверное, — буркнула я.

— Самое надёжное, — поправил он.

Ник сзади хмыкнул.

— Владусик не умеет покупать дешёвое. Это у него генетическое.

Влад ничего не ответил.

А я подумала о том, что эти двое — Влад и Ник — такие разные, но почему-то хорошо смотрятся вместе. Как свет и тень. Как гром и молния.

И ещё я подумала о том, что впервые за долгое время мне не хочется возвращаться домой.

Но дом — это там, где Лёша и Соня, где моя болезнь и мои проблемы.

А здесь, в этой машине, между двумя мужчинами, которые спорили между собой, я чувствовала себя почти нормальной.

— «Наверное, это просто воздух, — сказала я себе. — Деревенский воздух. Он всех лечит.»

Но внутри, глубоко, кто-то шептал: «Нет. Не только воздух».

Мы въехали в город ближе к обеду.

Солнце уже поднялось высоко, витрины магазинов блестели, люди спешили по своим делам — обычная городская суета, от которой я отвыкла всего за несколько дней. Но сейчас она показалась мне чужой. Слишком шумной, слишком быстрой.

Влад припарковался у большого торгового центра из стекла и бетона. Я даже не знала, что у нас в городе такой есть — видимо, открыли недавно.

— Здесь есть салон связи на первом этаже, — сказал он, заглушая двигатель. — Я куплю тебе телефон, и мы поедem.

— Я сама...

— Я куплю, — повторил он твёрдо.

Ник с заднего сиденья хмыкнул, но ничего не сказал.

Мы вышли из машины. Влад огляделся, что-то прикинув в уме.

— Меня не будет минут пятнадцать, — сказал он. — Поднимитесь наверх, посмотрите витрины. Я найду вас.

— А зачем нам подниматься? — спросила я.

— Чтобы не скучать, — ответил Ник, подмигивая. — Пойдём, Саша, я покажу тебе городскую жизнь. Ты же тут, кажется, родилась?

— Давно не была в центре, — призналась я.

— Ну вот, отличный повод.

Влад кивнул и направился в сторону салона связи. Мы с Ником пошли к эскалатору.

— Он всегда такой? — спросила я, глядя вслед удаляющейся фигуре.

— Какой?

— Командный.

Ник усмехнулся.

— Он просто привык всё контролировать. Это раздражает, но с ним безопасно. Знаешь, как в старых фильмах: если ты с Владом, с тобой ничего не случится. Даже если ты сам пытаешься в пруд упасть.

— Я не пыталась...

— Знаю-знаю, — Ник поднял руки. — Шучу.

Мы поднялись на эскалаторе на второй этаж. Здесь было светлее и просторнее — бутики, кафе, витрины с дорогой одеждой. Я шла и смотрела по сторонам, чувствуя себя туристкой в незнакомом городе.

— Хочешь кофе? — спросил Ник, кивая на уютную кофейню.

— Не знаю...

— Я угощаю. За извинения. За колесо, — добавил он виновато.

Я улыбнулась.

— Ладно.

Мы свернули в сторону кофейни. Я подняла глаза, чтобы прочитать название на вывеске — и замерла.

За стеклянной стеной кафе, за столиком у окна, сидели двое.

Лёша.

Соня.

Я узнала их сразу. Лёша в своей любимой серой кофте, которую я ему подарила на день рождения. Соня — в голубом платье, с распущенными волосами.

Они не видели меня. Они смотрели друг на друга.

— Саша? — Ник остановился, заметив, что я не иду дальше. — Ты чего?

Я не ответила.

Я смотрела, как Лёша берёт Соню за руку. Как она улыбается — той самой улыбкой, которую я знала семь лет. Как он наклоняется к ней.

Как они целуются.

Не по-дружески. Не «чмокнул в щёчку на прощание». По-настоящему. Долго. Как целуются люди, которые делают это не в первый раз.

Внутри меня что-то оборвалось.

Не боль. Не ревность. Радость.

Я стояла посреди торгового центра, смотрела на своего парня и свою лучшую подругу, и не могла пошевелиться.

Словно время остановилось. Люди шли мимо, кто-то задел меня плечом, из динамиков доносилась весёлая музыка — а я стояла и смотрела.

— Саша! — Ник тронул меня за локоть. — Что случилось? Ты побледнела.

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

— Саша, — повторил он встревоженно. — Ты меня слышишь?

Я подняла руку и показала на стеклянную стену кафе.

Ник проследил за моим взглядом.

===== Часть 8 =====

Я не слышала ничего и никого. Внутри была какая-то странная радость — словно камень упал с души. Все мои подозрения, все те вечера, когда они оставались на кухне вдвоём, все эти взгляды, смешки, неловкие паузы — всё вдруг сложилось в чёткую картину. Как пазл, который я боялась собрать до конца.

«Я ведь всегда знала, — пронеслось в голове. — Знала, но не хотела верить.»

— Это он? — тихо спросил Ник. — Твой парень?

Я кивнула, не в силах оторвать взгляд от стеклянной стены кафе.

— И она — небось подруга?

— Лучшая, — выдавила я, и на губах сама собой расцвела странная, нелепая улыбка.

Голос прозвучал чужой, будто говорил не я, а кто-то другой.

Ник выругался сквозь зубы. Но негромко — чтобы я не услышала или чтобы они не услышали.

— Пошли отсюда, — он взял меня за руку. — Пошли, Саша.

— Нет, — сказала я.

— Что — нет?

— Я хочу посмотреть.

— Зачем? — Ник говорил тихо, но настойчиво. — Ты что, хочешь к ним подойти?

— Не знаю, — я смотрела, как Лёша что-то говорит, как Соня смеётся. Обычно. Будто не предавали. Будто так и надо. — Может быть.

— Не надо, — Ник сжал мою руку. — Ты не в том состоянии.

— А в каком я состоянии?

— В шоковом, — сказал он прямо. — Ты сейчас подойдёшь, начнёшь скандал, они сделают вид, что ты всё придумала. А тебе станет только хуже.

Я знала, что он прав. Но внутри всё кипело. И одновременно с этим — странно, необъяснимо — мне становилось легко.

— Саша, — Ник потянул меня назад. — Пойдём. Влад скоро вернётся. Мы уедем, дома обсудим всё и решим, как поступать.

Я продолжала стоять, пока Ник не взял меня за руку и в прямом смысле не поволок обратно. Перед тем как отвернуться, я увидела, как Лёша снова тянется к Соне. И как она не отстраняется.

В груди заныло. Не приступ — что-то другое. Более острое. Более живое.

Мы отошли к эскалатору. Ник всё ещё держал меня за руку, и это было странно — но приятно. Как будто я не одна в этой ситуации.

На моих губах расцвела улыбка.

— Ты в порядке? — спросил он, глядя на меня с явной тревогой.

— Нет, — честно ответила я и рассмеялась. Прикрыла лицо ладонью.

— Ну хочешь, я пойду и набью ему морду?

Я посмотрела на него сквозь пальцы. Ник старался поддержать как мог, но меня настолько захлестнуло это странное облегчение, что я даже не сразу поняла, о чём он.

— Нет, — сказала я. — Не надо.

— Жаль, — он вздохнул. — Я бы с удовольствием.

Из-за поворота показался Влад. Его уверенная походка и осанка отличались от всех — будто люди сами расступались у него на пути. В руках — белая коробка. Он шёл быстро, но когда увидел нас, замедлил шаг. Окинул взглядом меня, потом Ника.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — ответила я.

— У неё парень в кафе с другой, — выпалил Ник.

Я закрыла глаза. Вот так просто. Взял и сказал.

Влад посмотрел в сторону, потом на меня.

— Тот самый? — спросил он тихо. — Лёша?

Отвечать сил не было. Я снова рассмеялась — нервно, надрывно. Ник странно на меня покосился.

— Поехали, — сказал Влад. — Здесь нечего делать.

Он протянул мне коробку.

— Твой новый телефон.

Я взяла её, даже не взглянув.

Мы спустились на первый этаж. Ник шёл сзади, молча. Влад — рядом со мной, чуть впереди, как будто загораживая меня от всего мира.

У выхода я остановилась.

— Я хочу к ним подойти, — сказала я.

— Зачем? — спросил Влад.

— Чтобы посмотреть им в глаза.

— Увидишь то, что не захочешь помнить, — он говорил спокойно, без давления. — Лучше уйти сейчас. Подумать. Принять решение не на эмоциях.

— А если я хочу на эмоциях?

— Потом всю жизнь будешь жалеть.

Я посмотрела на него. В его глазах не было жалости — только какая-то твёрдая, спокойная уверенность.

— Ладно, — сказала я. — Поехали.

Мы дошли до парковки. Ник открыл мне пассажирскую дверь. Влад уже сел за руль и ждал нас.

Когда дверь захлопнулась, меня прорвало.

Я засмеялась. Громко, надрывно, почти истерично. Смех вырывался из груди вместе с каким-то нечеловеческим облегчением. Слёзы подступили к глазам, но я не плакала — я хохотала.

Ник испуганно смотрел на меня с заднего сиденья.

— Ник, бегом воды, — отдал команду Влад.

Ник выскочил из машины и побежал к магазину.

Влад отодвинул своё сиденье назад, повернулся ко мне и протянул руки.

— Иди ко мне.

Его голос звучал странно — спокойно, мягко, но с такой силой, что я не могла ослушаться. Я не заметила, как сама потянулась к нему. Он обхватил мою талию и потянул к себе на колени.

Я оказалась в его руках — и вдруг начала задыхаться. Воздух кончился. Паническая атака накрыла с головой. Я хватала ртом воздух, но лёгкие отказывались слушаться.

— Дыши, родная, — слышался голос мужчины, словно из подводы.

Я не могла. Тогда он больно ущипнул меня за бедро. Слёзы хлынули градом. Настоящие, горькие, долгожданные.

— Я полная дура, — выдохнула я сквозь рыдания. — Я ведь всё давно поняла. Но почему... почему так всё?

Меня начало трясти. Я попыталась вырваться, забилась в его руках, но Влад держал крепко. Не отпускал. Его ладонь лежала на моей спине, нежно поглаживая, вторая — на затылке, прижимая меня к своему плечу.

— Тише, — сказал он. — Тише.

— Я их любила, — всхлипывала я. — Обоих. А они...

— Знаю.

— Ты не знаешь.

— Знаю, — повторил он.

И в этом «знаю» было что-то такое, от чего я вдруг перестала вырываться. Повисла в его руках, уткнулась лицом в его плечо и просто плакала. Громко, некрасиво, захлёб. Он не говорил больше ни слова. Просто держал. Несколько раз я чувствовала прикосновения его губ, к моему лбу. Но они были такие легкие, что я не уверена, было ли это правдой.

Сзади хлопнула дверь — вернулся Ник. Я слышала, как он замер, потом тихо спросил:

— Воды принёс.

— Оставь в подстаканнике, — тихо ответил Влад. — И выйди.

— А...

— Выйди, Ник.

Дверь хлопнула снова. Мы остались вдвоём. Я не знаю, сколько прошло времени — минута, пять, десять. Я плакала, пока слёзы не кончились. Пока внутри не стало пусто и тихо. Странно, но с этим мужчиной, чувствуешь себя маленькой.

— Прости, — прошептала я, отстраняясь. — Я тебя всего залила.

— Ничего, — ответил Влад. Его рубашка на плече была мокрой. Он не обратил на это внимания.

— Я не знаю, что на меня нашло. Я должна была злиться, должна была кричать... а я обрадовалась.

— Ты просто подавляла свои чувства.

Я подняла на него глаза. Красные, опухшие, дурацкие.

— Откуда ты это знаешь?

Он посмотрел на меня впервые таким взглядом.

— Потому что я адвокат. А в судах этому учат в первую очередь.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул. Потом взял бутылку воды с подстаканника, открыл и протянул мне.

— Держи.

Я послушалась. Вода была холодной, но приятной.

— Я сейчас похожа на панду? — спросила я, вытирая лицо рукавом. Влад тихо рассмеялся.

— На очень грустную панду, — ответил он.

Я невольно улыбнулась.

— Ты умеешь шутить оказывается?

— Иногда.

Он помог мне перебраться обратно на пассажирское сиденье. Застегнул ремень — сам, даже не спросив. Просто наклонился и защёлкнул пряжку. Я смотрела на его руки — большие, уверенные — и думала о том, как странно всё устроено. Утром у меня был парень и лучшая подруга. Днём — никого. Кроме Влада. И Ника, который сейчас стоял на парковке и наверняка маялся от любопытства.

— Ника можно позвать? — спросила я.

Влад кивнул.

Я открыла дверь и крикнула:

— Ник, иди сюда!

Он подбежал, заглянул в машину.

— Всё нормально?

— Всё нормально, — ответила я. — Поехали домой.

— К бабке?

— К бабке.

Ник забрался на заднее сиденье. Влад завёл двигатель, и мы выехали с парковки. Я смотрела в окно на город, который постепенно исчезал за поворотами, и держала в руках белую коробку с новым телефоном.

Внутри было пусто.

По дороге я не заметила, как уснула. Когда открыла глаза, мы уже стояли возле дома Клавдии Петровны. Я поднялась на сиденье, хлопая глазами. За окном уже сгущались сумерки — получается, я проспала почти всю дорогу. Голова была тяжёлой, веки опухшими, но внутри — странная, пугающая пустота. Ни боли, ни обиды, ни злости. Только тишина.

— Проснулась? — раздался сзади голос Ника.

Я повернулась. Он сидел, откинувшись на спинку, и смотрел на меня с каким-то осторожным любопытством.

— Ага.

— Хорошо спала? — спросил он. — Ты храпела.

— Врёшь.

— Ни капли. Влад, она храпела?

— Я спал за рулём, — ответил Влад, не оборачиваясь. — Не слышал.

— Вы всё врёте, — я попыталась улыбнуться. Получилось слабо, но искренне.

— Держи, — Влад протянул мне коробку с телефоном. Я взяла. — Сим-карту я уже вставил. Номер твой прежний.

— Как? — удивилась я. — Ты же не знал мой номер.

— Ник узнал.

Я обернулась к Нику. Тот пожал плечами.

— В соцсетях нашёл. Ты там много чего постишь.

— И ты запомнил номер?

— У меня фотографическая память на нужные вещи, — он хитро улыбнулся. — И на женские телефоны в особенности.

— Не слушай его, — сказал Влад. — Он просто нашёл твои документы в пакете с вещами.

Ник сделал обиженное лицо.

— Зачем ты раскрываешь мои секреты, Владусик?

Я сжала коробку в руках. Новый телефон. Старый номер.

Смогу ли я теперь ответить на звонок от Лёши? От Сони?

— Спасибо, — сказала я, глядя на Влада. — За всё.

— Не благодарю, — ответил он.

Открыв дверь, я вылезла из машины. Ноги подкашивались — долго сидела. Из-за чего пришлось прихрамывать.

— Проводить? — спросил Ник, высовываясь в окно.

— Не надо. Я дойду.

Я сделала шаг, остановилась, обернулась.

— Ник?

— Да?

— Ты хороший. Спасибо, что не дал мне тогда подойти.

Он улыбнулся — без обычной своей дурашливости, тепло.

— Всегда пожалуйста, Саша.

Я посмотрела на Влада. Он сидел за рулём, смотрел перед собой. Но когда я перевела взгляд, повернул голову.

— Не думай о них сегодня, — сказал он. — Ты ничего не решишь до утра.

— Знаю.

Я пошла к калитке. Уже взявшись за ручку, услышала, как за спиной завёлся двигатель. Не оборачивалась.

Дверь бабкиного дома была приоткрыта. Я вошла — в сенях горела лампочка, на кухне что-то булькало на плите.

— Явилась, — раздался из темноты голос Клавдии Петровны.

Я вздрогнула. Бабка сидела в углу на табуретке, вязала что-то и даже не подняла головы.

— Явилась, — повторила я. — Живая и почти здоровая.

— Телефон-то купили?

— Купили. Влад... Влад купил.

— Понятно, — бабка отложила вязание. — Ну, давай, раздевайся. Отвар на плите, пей и спать. Завтра рано вставать.

— Клавдия Петровна, — сказала я, не двигаясь с места.

И тут слёзы, которые я сдерживала, всё-таки побежали по щекам. Градом. Не останавливаясь. Бабка удивлённо смотрела на меня. Её морщины словно разгладились — на секунду мне показалось, что я вижу ту молодую женщину, которой она когда-то была.

— Обидел окаянный? — проворчала она, бросая вязание. — А я тебе говорила.

Я заревела ещё громче. Подошла к ней и уткнулась в её грудь — колючую, пахнущую травами и старым деревом. Бабка сначала замерла, потом неловко, будто отвыкла от таких жестов, погладила меня по голове.

— Ну и чего слёзы раняешь? Ишь, из-за мужика нервы портить, — проворчала она, но голос был мягче обычного.

Я всхлипывала, не в силах остановиться. Бабка вздохнула.

— Ну хочешь, мы Степана попросим? Он ему колёса прокалит.

Я замерла и подняла на неё заплаканное лицо.

— Какие колёса? — не поняла я. — У Лёши даже прав нет.

— Это у кого? — бабка нахмурилась.

— У Лёши, у парня моего.

— А я про кого? — она посмотрела на меня с недоумением.

— Вы про Влада, что ли? — дошло до меня. — Так он мне помог!

— А кто тогда тебя обидел? — бабка выпрямилась, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Лёша. Соня. Они... — я не договорила, махнула рукой.

Бабка поджала губы. И в этом молчании я вдруг поняла всё.

— Вы знали, — сказала я тихо. — Вы всё знали.

Она подняла на меня глаза — тяжёлые, старые, но без тени оправдания.

— Знала, — коротко ответила она. — Но не моё дело в чужие судьбы лезть. Ты сама должна была увидеть.

— Знахари, блин, — выплюнула я.

Психанув и развернувшись, хлопнула дверью так, что половицы застонали. В сенях оставилась. Прижалась спиной к холодной стене и выдохнула.

— Ну и правильно, — донеслось из-за двери. — Покричи, попустится легче будет.

Я усмехнулась сквозь слёзы. Вот и что мне делать?

Я вышла на улицу.

Всё вокруг словно спало. Солнце уже село, и сумерки мягко укутали деревню. Где-то вдалеке лаяла собака, но звук был приглушённым, будто через вату. Воздух пах сырой землёй и вечерней прохладой. Я прошла в огород.

Не знаю, зачем. Ноги сами принесли. Просто хотелось быть не в доме, не между четырьмя стенами, которые вдруг стали тесными. Грядки темнели в полумраке. Травы, которые днём казались зелёными, сейчас отливали серебром. Я прошла мимо медуницы, мимо мать-и-мачехи, мимо каких-то кустов, названия которых не знала.

Остановилась у старой яблони. Прислонилась лбом к шершавому стволу.

— Так, Саша давай по порядку. Реветь буду потом. — сказала я себе.

Единственное, что не давало мне покоя, это поведения Влада.

— Вот, надо было Владу туда меня привезти, из всех магазинов. — с досадой проговорила я, в какой то степени я была ему благодарна, что мне показали правду, но случайность ли это было.....

===== Часть 9 =====

— Клавдия Петровна, я ушла! — прокричала я, уже нагибаясь, чтобы завязать шнурки.

На пороге появилась бабка.

Я подняла голову и чуть не присвистнула. Сегодня она выглядела иначе. На ней было пёстрое платье до пола — цветастое, с крупными розанами, которое мягко обволакивало её полное, но всё ещё крепкое тело. Волосы убраны в пучок, на шее — янтарные бусы.

«Куда это наша бабулька собралась?» — подумала я с лёгкой усмешкой. Обычно она щеголяла в телогрейке и резиновых сапогах, а тут — почти как светская дама.

— Куда это ты намылилась? — грозно спросила бабка, уперев руки в бока и загораживая мне проход. — Чего задумала?

Её тон не предвещал ничего хорошего. Я завязала последний шнурок, выпрямилась и, не сдерживаясь, повторила её позу — руки в бока, подбородок вверх.

— Хочу кое-что разузнать у Влада, — сказала я твёрдо.

— Нечего тебе там делать, — отрезала Клавдия Петровна. — Сиди дома, травы перебирай. Дела есть.

— Мне важно с ним кое-что обсудить, — я сделала шаг вперёд, стараясь протиснуться мимо бабкиного внушительного тела, но она даже не шелохнулась.

— Что обсуждать? Не муж он тебе, не сват. Понапридумывала себе...

— Клавдия Петровна, пустите! — я уже начинала злиться, но в голосе прорезались нотки просьбы.

Бабка сверлила меня взглядом из-под густых бровей. Я смотрела на неё снизу вверх — она была выше меня на полголовы, и это придавало ей ещё больше грозности. Но сегодня я не собиралась отступать.

— Я быстро, — добавила я. — Честное слово.

— Ах, окаянная! — бабка махнула рукой и отошла в сторону. — Иди уж. Но чтоб к обеду была! И не вздумай там с ним...

— Что «с ним»? — не поняла я, уже проскальзывая к двери.

— Знаешь что! — крикнула она мне вслед.

Я выскочила на крыльцо и чуть не зажмурилась от солнца — оно заливало всё вокруг: и бабкин огород с его зелёными грядками, и тропинку к лесу, и старую калитку, которая сегодня почему-то не скрипнула, а мелодично пропела на ржавых петлях.

На улице стояла настоящая летняя погода. Тёплый ветер дул в лицо, пахло нагретой землёй, травой, первыми полевыми цветами. Где-то вдалеке заливалась жаворонком птица, и небо было таким синим, что больно смотреть.

— Ах, окаянная! — донеслось из дома, но я уже не слушала.

Я быстро зашагала по тропинке, обходя лужи — после вчерашнего дождя земля ещё не совсем просохла, но солнце уже делало своё дело. Кроссовки почти не хлюпали, идти было легко.

«Нечего тебе там делать», — передразнила я бабушку мысленно. — «А мне есть чего».

Лес встретил меня прохладой и птичьим гомоном. Здесь, под пологом деревьев, утренняя жара отступала, воздух был влажным и пах хвоей, мхом и чем-то неуловимо сладким. Я шла по знакомой тропе — той самой, что вела к дому Влада. Я уже выучила её: вот поваленная берёза, вот ручеёк, через который нужно перепрыгнуть, вот полянка с колокольчиками.

Сегодня я заметила то, что раньше пропускала. Старые сосны с рыжей, потрескавшейся корой. Маленький муравейник на краю тропы. Пучок ярко-жёлтых цветов, похожих на маленькие солнца.

«Как я раньше не замечала эту красоту?» — подумала я. — «Всё бежала, торопилась, боялась опоздать... А куда?»

Я замедлила шаг. Вдохнула полной грудью. В груди было спокойно — ни тревоги, ни предвестников приступа.

— Ну, Сашка, — сказала я себе негромко. — Ты чего на самом деле хочешь?

Ответа не было. Или он был, но я боялась его услышать.

Впереди, за высокими соснами, показался дом Влада. Хотя «домом» его назвать было сложно — коттедж, целый дворец. Подойдя к воротам, я нажала на звонок.

Калитка с шелчком открылась — видимо, приглашая меня внутрь.

Я пошла по плиточной дорожке. Утро было тёплым, солнечным, но здесь, у дома, царила какая-то особенная тишина. Даже птицы пели тише, будто уважали чужое пространство.

На крыльце стояла Натали.

Сегодня она была в белом платье, лёгком, летнем, которое хорошо подчёркивало её фигуру. Волосы распущены, на ногах — босоножки на небольшом каблуке. Выглядела она хорошо. Но взгляд... взгляд оставался прежним.

— Что вам нужно? — спросила она без приветствия, скрестив руки на груди.

— Добрый день, — я всё же поздоровалась, потому что меня учили манерам. — Я ищу Влада.

— Владимир Викторович сегодня занят.

— Я уверена, минутку он мне найдёт, — я улыбнулась максимально лучезарно.

Тот факт, что этот странный мужчина был ко мне не равнодушен, отрицать уже не получалось. Слишком много знаков. Слишком много взглядов. И сейчас, как ни странно, это было мне на руку.

— А вам наглости не занимать, — проскрипела Натали, и её пальцы впились в собственные локти.

— Как и вам, я погляжу, — ответила я, не меняя улыбки.

Мы сверлили друг друга взглядами. Натали — с неприкрытой враждебностью. Я — с нарочитым спокойствием. Между нами пробежала искра, и, кажется, не дружеская.

На пороге появился хозяин дома.

Бежевые штаны, белая футболка — просто, но идеально. Этот цвет удивительно шёл к его белоснежным волосам. Он выглядел так, будто только что проснулся, но при этом собранно и свежо.

— Натали, что случилось? — спросил Влад, и только потом заметил меня. — Александра? Доброе утро. Что случилось?

— Я хотела бы кое-что с вами обсудить, — сказала я, сделав ударение на «с вами».

И на моменте с фразой «кое-что обсудить» я красноречиво повела головой в сторону Натали. Мол, дама между нами лишняя.

Влад понял. Его глаза чуть сощурились, но не в гневе — скорее в лёгком недоумении от моей наглости.

— Натали, мы поговорим позже, — сказал он спокойно. — Ты можешь быть свободна.

— Но, Владимир Викторович...

— Я сказал, — его голос не повысился, но в нём появилась сталь.

Натали сжала губы. Бросила на меня последний взгляд — в котором было столько ненависти, что я почти зауважала её за интенсивность чувств. Развернулась и ушла в дом, громко хлопнув дверью.

Мы остались вдвоём.

— Проходи, — Влад кивнул в сторону сада. — Прогуляемся.

Я прошла за ним по дорожке. Мы свернули за угол дома, туда, где росли старые яблони, стояла скамейка и пахло мятой.

— Ты хотела что-то серьёзное обсудить? — спросил он, садясь на скамейку и жестом приглашая меня сесть рядом.

Я села. Не близко, но и не далеко.

— Давайте по чесноку, — сказала я, — Что вы ко мне чувствуете?

Влад повернулся ко мне. Солнце падало на его лицо, и я вдруг заметила, какие у него длинные ресницы — неожиданная деталь для такого серьёзного мужчины.

— Вы мне нравитесь, — спокойно ответил он.

— Просто нравлюсь? — я решила идти до конца. — Или вы готовы мне что-то предложить?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Секунду. Две. Три.

— Хочешь стать моей женой? — спросил он.

— Да, — сказала я. — Но на определённых условиях.

Влад неожиданно рассмеялся. Громко, открыто, без свойственной ему сдержанности. Глаза заблестели, морщинки собрались у уголков. Он выглядел... молодым. Счастливым.

Я косо на него посмотрела. Не поняла, что смешного в моих словах.

— Когда-то я уже такое слышал, — он с улыбкой почесал переносицу.

— Когда? — я нахмурилась. — Я это могла говорить?

Я думала, он скажет «оговорился» или «фигура речи», как в прошлые разы. Но Влад просто смотрел на меня с какой-то странной нежностью.

— В другой жизни, Александра, — тихо ответил он. — В другой жизни.

Я замерла.

— Ты говоришь загадками, — сказала я. — И каждый раз, когда я пытаюсь понять, что ты имеешь в виду, у меня голова идёт кругом.

— Может, не надо понимать? — он улыбнулся мне. — Может, надо просто довериться?

— Я не умею, — честно призналась я. — Меня обманули те, кому я доверяла.

— Какие условия? — неожиданно спросил он.

— Что?

— Ты сказала: «Да, но на определённых условиях». Какие?

Я растерялась. Но сразу взяла себя в руки.

— Я стану вашей женой, — сказала я твёрдо. — Но вы мне поможете отомстить.

Он поднял бровь. В его глазах мелькнуло удивление — впервые за наше знакомство настолько искренне.

— Отомстить? — переспросил он. — И каким же образом?

— В этом вы мне и поможете, — сказала я. — Я не знаю как. Но вы умный, богатый, у вас связи. Придумаете что-нибудь.

— То есть, — он медленно кивнул, — ты выходишь за меня замуж не потому, что я тебе нравлюсь, а потому, что я могу быть полезен?

— Я не это сказала, — я нахмурилась. — Вы мне нравитесь. Но... они меня предали. Я не могу просто так это оставить. Я хочу, чтобы они пожалели.

— И чтобы они знали, — тихо добавил он, — что ты не одна.

— Да, — выдохнула я. — Чтобы знали.

Влад задумался.

— Хорошо, — сказал он. — А вы, как моя супруга, что будете делать?

Он наклонился близко. Так близко, что я чувствовала его дыхание на своей щеке. Заставил меня съёжиться — не от страха, от неожиданности.

Я выпрямилась, подняла подбородок.

— Буду как Пушкин писала, — ответила я. — «Я вам отдана, буду век вам верна».

— Мне кажется, там по другому звучит. Ты знаешь, откуда эти строки? — спросил он.

— Из «Евгения Онегина», — ответила я. — Татьяна — Онегину. Когда он пришёл к ней спустя годы, а она уже была замужем.

— И что она ему сказала?

— «Я вас люблю, к чему лукавить? Но я другому отдана; я буду век ему верна».

— И ты готова повторить это? — спросил он.

— Я не играю, Влад, — ответила я. — Я предлагаю сделку. Вы помогаете мне — я становлюсь вашей женой. По-настоящему. Без обмана.

Он смотрел на меня долго. Я не отводила взгляд.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я согласен.

— Даже не спросите, что я задумала?

— Мне всё равно, — ответил он. — Главное, что ты будешь рядом.

Я хотела сказать что-то ещё, но он вдруг взял мою руку. Поднёс к губам. Поцеловал — легко, едва касаясь.

— Договорились, Александра, — сказал он. — Только помни: ты сама предложила. И назад дороги не будет.

— Не будет, — ответила я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Он отпустил мою руку.

— А когда... когда мы?

— Давайте выпьем чая, — Влад поднялся, протягивая мне руку.

Его ладонь была тёплой, пальцы длинные и сильные. Я посмотрела на его руку, потом на него.

— Я бы с удовольствием, — честно ответила я. — Но Клавдия Петровна ненадолго меня к вам отпустила. Если опоздаю — убьёт. И не травой, а скалкой.

Он чуть улыбнулся, убрал руку.

— Хорошо. Вас проводить

— Нет, спасибо. Хочу побыть одна.

— Хорошо, — кивнул он.

Я развернулась и пошла к калитке. Шла медленно, чувствуя, как он смотрит мне в спину. Не оборачивалась.

Тропинка в лесу была пустой, солнечной. Пахло сосной и нагретой землёй.

«Женой его стать? — думала я. — Отомстить? Я сошла с ума?»

Но внутри, где-то глубоко, пульсировала холодная, твёрдая решимость. Я больше не хочу быть жертвой. Не хочу плакать по ночам. Хочу, чтобы они пожалели. Чтобы поняли, что потереяли.

А Влад... Влад будет рядом. Сильный, богатый, странный. С ним не страшно. Представляю их лица, после того когда они узнают правду.

Спина девушки скрылась в стенах сосен. Влад стоял на дорожке, смотрел вслед, пока последний силуэт не растворился в зелени.

— Ну ты и жук, — раздался сзади голос Ника.

Он вышел из-за угла дома, жуя яблоко. На нём была яркая гавайская рубашка, шорты и шлёпанцы на босу ногу. Выглядел он так, будто только что вернулся с пляжа, а не из леса.

— Подслушивать нехорошо, — не оборачиваясь, сказал Влад.

— А ты делаешь хорошие вещи? — Ник подошёл, встал рядом. — Предложил девушке стать женой? Через три дня знакомства? Она же тебя почти не знает.

— Она согласилась, — спокойно ответил Влад.

— Ага. После того, как ты пообещал помочь ей отомстить бывшему и бывшей подруге, — Ник усмехнулся. — Ты же ей ничего не сказал про то, что сам отправил меня следить за ними. Что фото в телефоне — твоя идея. Что Клавдия удалила сообщение, а ты снова подсунул её к кафе, чтобы она увидела их поцелуй.

Влад молчал.

— Ты всё подстроил, — продолжал Ник, жуя яблоко. — От начала до конца. И теперь она в твоих руках.

— В моих руках, — тихо повторил Влад.

— И что дальше? Женишься на ней? Привезешь в свой замок? Будешь хранить как сокровище?

Влад повернулся к Нику. Его лицо было спокойным, но глаза — холодными.

— Я ждал её тысячелетие, — сказал он. — Я имею право на маленькую хитрость.

— Маленькую? — Ник присвистнул. — Ты разбил её жизнь, чтобы собрать заново по своему сценарию.

— Я не разбивал. Они сами разбили, — Влад сделал шаг в сторону дома. — Я просто показал ей правду.

— Правду, которую она должна была узнать сама? Когда была готова?

— Она никогда не была бы готова, — ответил Влад. — Она из тех, кто терпит до последнего. Я ускорил процесс. Они и так ее сломали.

Ник покачал головой.

— Ты опасен, Влад. Ты это понимаешь?

— Для неё — нет, — ответил Влад и пошёл к дому.

Ник остался стоять, глядя ему вслед. Доел яблоко, кинул огрызок в кусты.

— Безумец, — сказал он тихо. — Ты просто безумец.

Но Влад его уже не слышал.

Он шёл по коридору своего огромного дома, и в голове крутилось одно: «Стать женой».

«В другой жизни ты уже говорила мне эти слова, Александра, — думал он. — И сдержала их. До самой смерти.

В этой — я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Даже если для этого придётся испачкать руки.»

Он закрыл дверь в кабинет и сел за стол. Достал телефон, нашёл контакт, набрал сообщение:

«Андрей, начинай готовить документы. И проверь, чтобы никто не мешал».

Ответ пришёл через минуту:

«Принято.»

Влад убрал телефон. Откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Наконец-то она в его руках.

===== Часть 10 =====

Я вернулась в дом, быстро переоделась в рабочую одежду — старые джинсы, выцветшую футболку. Надо было идти на грядки, Клавдия Петровна уже ждала с недовольным лицом. Она всё так же следила за мной взглядом, скрестив руки на груди.

— Клавдия Петровна, я не понимаю, что вы так злитесь, — сказала я, завязывая шнурки. — Я всё понимаю. Влад, может быть, на первый взгляд не особо порядочный человек, но со мной он не сделал ничего плохого.

— Сашка, ты глупая или просто придураешься? — бабка упёрла руки в бока.

— Это вы о чём? — не поняла я.

— Ты думаешь, он такой весь благодетель, да? Решил тебе помочь? А не задумывалась ты, с какого перепугу он вообще решил помогать? С телефоном, м? Может, он его у тебя выкрал, а сказал, что утонул. А потом специально всё подстроил, чтобы ты увидела этого своего Лёшу с подружкой?

— Какая разница? — я сложила вещи в сторону. — Что видела, что не видела — мне без разницы. Вместе же он их не клал и не заставлял влюблёнными взглядами обмениваться.

— Может, ты неправильно поняла? — начала Клавдия Петровна.

— Клавдия Петровна, — резко оборвала я её, — не поняла — это когда в чай вместо двух ложек сахара четыре добавила. А когда приходишь в кафе и видишь, как твой парень зажимается с твоей лучшей подругой, то это, знаете, вполне ясно и кратко можно понять.

— Всё-таки охмурил он тебе голову, — словно подтверждая свои слова, Клавдия Петровна кивнула сама себе.

Я вздохнула.

— Клавдия Петровна, я очень ценю, что вы пытаетесь ко мне с душой отнестись и стараетесь помочь. Но как бы я ни хотела сейчас его оговорить, что правда — то правда. Влад — единственная моя возможность наказать виновных.

— Наказать? — бабка прищурилась.

— Я ведь давно это подозревала. Я ведь давно об этом знала, — сказала я тише. — Каждый раз, когда я уходила в свою комнату, а они оставались на кухне, я слышала их разговоры. Вы не представляете, как мне больно тогда было. Но я делала вид, что всё хорошо. Что это я просто напридумывала. Два близких человека решили мне навредить. Они знали, что сейчас мне очень тяжело. Но они всё равно сделали по-своему. Так почему же я не могу им отомстить?

— Так ты Влада используешь лишь для отмщения? — спросила бабка.

— Если так можно сказать — то да. Влад не против, он сам, как я понимаю, хотел предложить мне эту сделку. Тем не менее я ему очень благодарна.

— Смотри, какой благодетель, — начала Клавдия Петровна.

— Клавдия Петровна, — перебила я, — вы меня поймите. Я очень уважаю вас, вы мне безумно симпатичны как человек. Но в своей жизни я разберусь сама.

— А ты, мстительница, не боишься, что в такую кабалу залезешь, что выбраться не сможешь?

— Я и так уже залезла в кабалу, из которой не могу выбраться, — ответила я. — Так что одной кабалой больше, другой меньше — ничего страшного.

— Ну смотри, девка, — бабка покачала головой. — Если вляпаешься с этим Владом, он тебя так просто не отпустит.

— Клавдия Петровна, почему он вам так не нравится?

Бабка помолчала.

— Потому что я знаю его больше тебя.

— Есть что я должна знать для безопасности?

— Всё, Сашка. Иди на грядки. Медуницу перебирай. И голову не забивай тем, чего не понимаешь.

Она развернулась и ушла в дом.

Я осталась стоять в прихожей, сжимая в руках пакет с вещами.

«Знаю его больше тебя». Что это значит?

Я выдохнула, и вышла на улицу.

.

Работать молча было легче, чем отвечать на вопросы, на которых у меня самой не было ответов.

Я сидела на корточках в дальнем конце огорода, перебирала медуницу и раскладывала её на старых газетах. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы припекать спину, но лёгкий ветерок с леса спасал от жары. Пахло мятой, укропом и нагретой землёй — тем особенным запахом, который бывает только в деревне в начале лета.

Клавдия Петровна ушла в дом полчаса назад — гремела банками, что-то варила, иногда высовывалась в окно проверить, не бездельничаю ли я. Но я не бездельничала. Странное дело, но меня даже начало успокаивать это монотонное занятие. Сорвать стебель, отделить листья, отложить цветки, перевернуть, разровнять.

«Может, я становлюсь деревенской?» — усмехнулась я про себя.

Мысли потихоньку распутывались. Влад, его предложение, бабкины предупреждения, Лёша с Соней — всё это ворочалось где-то на заднем плане, но не мешало работать. Руки делали своё дело, а голова постепенно приходила в порядок.

Как только я стала получать удовольствие от того, чтобы сидеть на грядках, и в принципе от того, что их делаю, как показала Клавдия Петровна, раздался звонок.

Телефон завибрировал прямо на земле, рядом с корзиной. Я взглянула на экран — незнакомый номер. И почти сразу сбросили. Я даже опомниться не успела.

— Странно, — пробормотала я, беря телефон в руки.

За пару секунд экран погас, потом снова вспыхнул — сообщение от того же номера. Я открыла.

«Саш, привет. Это Лёша. С новым симом ещё не все контакты перенёс. Перезвони, как увидишь»

Я выдохнула.

— Ах, вот оно что, — проговорила я вслух. — Вспомнил наконец-то.

Где-то в глубине души кольнуло — то ли обида, то ли злость. Несколько дней ни звонка, ни сообщения. А теперь — «перезвони, как увидишь». Как ни в чём не бывало.

Я быстро перезвонила. Трубку взяли почти сразу — знакомый, до боли родной голос откликнулся:

— Алло?

— Лёш, привет, — начала я, создавая голос настолько мелодичный и беззаботный, насколько позволял мой характер.

Сейчас мне было так тяжело. Каждое слово давалось с трудом. Но Влад сказал: не показывать. Не давать им понять, что я знаю. Рано. Потом. Когда сама буду готова.

— Ну как ты? — резко спросил Лёша.

«Ох, какой заботливый», — усмехнулась я про себя. Ни «соскучился», ни «как дела». Просто «ну как ты» — дежурно, для галочки.

— Всё хорошо, — ответила я. — А ты как?

— Нормально, — он помолчал.

— А как у вас там дела с Соней?

Я замерла на секунду. Сердце пропустило удар, но я взяла себя в руки.

— Ой, да ты знаешь, никак, — начал он. — Она, как обычно, со своим котом всё носит. Уж не знаю, как она планирует дальше с ним жить. С таким характером её вряд ли кто-то в жёны возьмёт.

— «Да ты что, беденький, — я едва сдержала сарказм. — А ты, наверное, вызвался? Тем самым несчастным?»

Я чуть не сказала это вслух. Но вслух сказала другое:

— Да ладно тебе, Лёш. Соня просто интересный человек. Но уверена, если бы ты узнал её получше, то изменил бы своё мнение.

«Да куда уж лучше и ближе, чем они сейчас знакомы», — подтвердила я себе мысленно. Я сидела на корточках, перебирала медуницу, а в голове всё кипело. Он говорит о ней так, будто она ему никто. Будто они просто соседи по квартире. Какая же это ложь.

— Саш, — Лёша вдруг сменил тему, и в голосе появились деловые нотки. — Скажи, пожалуйста, а помнишь, я просил тебя помочь мне сделать кое-какие документы?

— Документы? — я напрягла память. — Тяжело вспомнить. Напомни мне, какие.

— Ну, там связанные с работой. Помнишь, я тебе говорил.

— А, точно, — вспомнила я.

Лёша недавно устроился на новую работу. Что-то связанное с логистикой. И он просил меня помочь ему с документами — я работала в школе, но немного разбиралась в юридических формулировках. Тогда я согласилась, не думая.

Сейчас я подумала иначе.

Маленькую пакость, но я ему всё-таки сделаю, — удовлетворённо кивнула я самой себе.

Не то чтобы я собиралась ему навредить по-крупному. Просто... не буду помогать. Скажу, что не разобралась, что времени не хватило, что бабка загрузила работой. Пусть сам мучается.

— Ладно, Саш, — сказал Лёша, даже не дождавшись моего ответа. — Я побежал. У меня много работы. Надеюсь, скоро мы с тобой встретимся.

— Да, конечно, — ответила я.

Он повесил трубку.

Я посидела с телефоном в руке, глядя на погасший экран.

«Вот козлина, а? Ты посмотри. У меня столько дней нет дома, а он лишь «как дела» да спросил, да и то про Соню. А всё остальное — лишь чтобы документы ему помочь. Вот же... и как я раньше этого не замечала?»

Я выдохнула, убрала телефон в карман и с новой силой принялась за грядки. Сорвала несколько сорняков, подрыхлила землю вокруг молодых кустиков. Злость придавала энергии.

За этой работой меня и застала Клавдия Петровна. Она вышла на крыльцо с кружкой в руках, прищурилась на солнце.

— Чего так оживилась? — спросила она. — Звонок, что ли, хороший был?

— Очень хороший, — ответила я, не поднимая головы. — Лёша звонил.

— А-а, этот, — бабка скривилась. — И чего хотел?

— Как всегда.

— А про тебя спросил?

Я подняла голову.

— А что про меня? Он спросил «как ты», я ответила «нормально». Ему этого хватило.

— И ты всё равно ему помогать собралась?

— Нет, — я отряхнула руки. — Сказала, что помогу. Но не буду. Пусть сам разбирается.

Клавдия Петровна одобрительно хмыкнула.

— Умнеет девка на глазах.

— Не умнеет, — поправила я. — Просто злится.

— Злость — тоже ум, если её в нужное русло направить, — бабка села на крыльцо, поставила кружку рядом. — Только ты смотри, не увлекайся. Злость, она как огонь — и согреть может, и спалить всё к чёртовой матери.

Я кивнула, возвращаясь к работе.

Мы молчали какое-то время. Бабка пила чай, я полола грядки. Птицы пели, солнце поднималось всё выше, и день казался бесконечным.

— Клавдия Петровна, — сказала я, не оборачиваясь.

— М?

— А вы верите, что человек может измениться?

— Запросто, — ответила она. — Только не в лучшую сторону. В лучшую — редко, с болью. А в худшую — запросто. Достаточно одного предательства, чтобы из доброго человека сделать злого. Или одного удара судьбы.

— Я стала злой? — спросила я.

— Нет, — бабка помолчала. — Ты стала свободной. Это разные вещи.

Я сорвала очередной сорняк, отбросила его в сторону.

— А Влад? Он изменился? Или он всегда такой?

Бабка не ответила сразу. Я подумала, что она не услышала, но потом она сказала:

— Влад — это отдельная песня. Он такой, какой есть. И меняться не собирается. Вопрос в том, готов ли ты принять его таким.

— А вы его хорошо прям знаете.

— Я его давно знаю, — бабка поднялась, взяла кружку. — И теперь до конца дней своих буду расхлёбывать последствия.

Она ушла в дом, оставив меня с новой порцией вопросов.

«Принять его таким», — думала я. — «Каким? Холодным? Загадочным? Который знает что-то обо мне, чего не знаю я сама?»

Я не знала ответа. Но почему-то внутри, глубоко, уже не было страха.

Я встала, размяла спину и посмотрела на лес. Там, за соснами, стоял его дом. И он, наверное, сидел сейчас в саду или в кабинете, листал бумаги, смотрел в окно.

«Скоро, — сказала я себе. — Скоро я узнаю всё. А пока — работать».

Я взяла корзину, перешла на следующую грядку. Медуница почти закончилась, на очереди была какая-то другая трава, название которой я даже не пыталась запомнить. Клавдия Петровна объясняла — я слушала вполуха. Главное — делать.

Телефон в кармане молчал. Лёша больше не звонил. Соня — тем более.

Я вдруг поймала себя на мысли, что мне всё равно. Пусть не звонят. Пусть забыли. Я здесь, среди трав и грядок, под тёплым солнцем, чувствовала себя... свободной.

Не от них. От себя прежней. От той, которая боялась остаться одна.

Теперь я знала: одной не страшно. Страшно — с теми, кто делает вид, что ты им нужна.

Я выпрямилась, вытерла лоб тыльной стороной ладони.

— Клавдия Петровна! — крикнула я в сторону дома.

Окно открылось, бабка высунулась.

— Чего?

— Я закончила с медуницей. Что дальше?

— Заходи, отвар пей. А потом за крапиву возьмёмся.

— За крапиву? — я удивилась. — Зачем вам крапива?

— Лекарство. И не спорь. Наденешь перчатки — не обожжёшься.

Я вздохнула. Крапива так крапива. Я вошла в дом, выпила горьковатый отвар и снова вышла на улицу.

. *****

Крапива больно жалила даже через ткань, но бабка сказала, что так и надо — «для остроты ощущений». Я уже привыкла, что её объяснения часто звучат как приговор.

Клавдия Петровна стояла рядом, присматривала за моей работой, иногда покрикивала: «Не так много!», «Корень не трожь!», «Это не крапива, это лопух, дура!». Я вздыхала, поправляла ошибки и думала о том, что за месяц такого труда я стану если не знахарем, то хотя бы уверенным пользователем грядок.

Со стороны леса послышался шум — хруст веток, бодрое насвистывание. Я подняла голову и увидела знакомую фигуру, вынырывающую из сосен.

Ник.

===== Часть 11 =====

— Добрый день, Клавдия Петровна, — раздалось от калитки.

Я подняла голову. У калитки, облокотившись на неё с ленивой грацией кота, стоял Ник. Сегодня он был в ярко-синей футболке с принтом «Kiss me, baby», джинсах и кедах — настоящий гость из города. Волосы кудрявые, как всегда, растрёпаны, на лице — широченная улыбка, от которой трудно было не улыбнуться в ответ, даже когда не хочется.

— И тебе не хворать, — проворчала Клавдия Петровна, не поднимая головы от грядки. — Чего пожаловал?

— Ох, Клавдия Петровна, вы, как всегда, зрите в корень, — Ник театрально прижал руку к сердцу. — Да вот, пришёл пригласить Сашу провести послезавтра вместе. Дружеский день.

— Это теперь так называется — «дружеский день»? — саркастично спросила бабка, выпрямилась и упёрла руки в пояс. — А раньше что было? Свидания, ухаживания? А теперь — дружеский день. Молодёжь.

Ник ничуть не смутился. Он открыл калитку, прошёл во двор и остановился на почтительном расстоянии от Клавдии Петровны — видимо, помнил о ее характере.

— Клавдия Петровна, ну вы как скажете?! — он развёл руками. — Я к Александре чувствую исключительно братско-сестринскую любовь. Честное комсомольское.

— Комсомольское? — бабка прищурилась. — А ты, окаанный, в комсомоле-то когда состоял? При царе Горохе?

— Ну, может, не при царе, но в душе я пионер, — Ник хохотнул. — А если серьёзно: Саша последнее время постоянно грустная ходит. Мне очень хочется её немного поддержать. Неужели вы будете против?

Я слушала их перепалку, и на душе становилось легче. Бабка хоть и делала вид, что недовольна, на самом деле относилась к Нику с той особенной терпимостью, которую обычно проявляют к назойливым, но безобидным котам. К Владу она была строже, холоднее, а Ника ворчливо принимала — возможно, потому что он никогда не пытался казаться тем, кем не был.

— Я-то, может, и не буду против, — сказала Клавдия Петровна, сверля Ника взглядом. — Но одно понять даже я не могу: тебе-то чего надо? Ты же как змея — только с выгодой что-либо делаешь.

Ник картинно схватился за сердце.

— Ох, Клавдия Петровна, не любил бы я вас так сильно, точно бы обиделся на ваши слова. Но любовь выше любых обид, даже таких колких, как ваши.

— Любовь, — фыркнула бабка. — А сам с Владом этим якшаешься. Ну, что с тобой, то с тобой.

— А что мне с ним делать? — Ник развёл руками. — Он платит, я работаю. Работа у меня такая — нравится-не нравится, терпи, моя красавица. Это, между прочим, классика жанра.

Клавдия Петровна покачала головой, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Так вы посмотрите на эту бедную девушку, — Ник вдруг резко повернулся ко мне и указал рукой в мою сторону, как фокусник на ассистентку. — Видите? Эти поникшие плечи, этот несчастный взгляд, эта апатия во всём облике. Ей сто процентов нужно развеяться. Устроить выход в свет. Культурную программу. Мороженое, парк, может, кино.

— А ты, значит, решил ей помочь развеяться? — с вызовом спросила бабка. — За просто так, да? Абсолютно бескорыстно?

Ник вздохнул с видом человека, который готов на любые жертвы.

— Ну вы же сами видите. Кроме меня просто-напросто некому. Все бессильны в этой тяжелой битве за улыбку Александры. Кто ещё? Влад? Он будет молчать и сверлить её взглядом. Это не расслабляет, проверено. Степан? Он вежливый, но молчаливый. А девушкам нужно, знаете, — он сделал загадочное лицо, — общение. С подтекстом. С юмором. С клоунадой.

— С клоунадой, говоришь? — Клавдия Петровна поджала губы, и я заметила, как уголок её рта всё-таки дрогнул в улыбке. — Ну да, ты у нас главный клоун в этом цирке.

— Обижаете, — Ник приложил руку к груди. — Я не клоун, я мастер анимации. Это, между прочим, образование.

Я не выдержала и тихо рассмеялась. Они оба повернулись ко мне.

— О, смотрите, улыбнулась! — Ник указал на меня пальцем, как на чудесное явление. — А говорили — не помогает. Я же говорил: юмор лечит.

— Ничего она не лечит, — буркнула бабка, но без прежней резкости. — Просто ты, как таран, пробиваешь любую броню.

— Это талант, — скромно сказал Ник. — Так что вы скажете, Клавдия Петровна? Отпустите Александру послезавтра на культурно-развлекательное мероприятие? Гарантирую безопасность — доставлю в целости и сохранности, не напою, не обижу. Даже цветы подарю, если надо.

— Цветы не надо, — отрезала бабка. — Ты мне её живой верни и без лишних приключений. И чтобы не позже десяти вечера.

— Есть не позже десяти! — Ник вытянулся в струнку и отдал шутливый салют. — Приложу все усилия, чтобы Саша отдохнула и расслабилась. И ни одного намёка на... ну, вы понимаете.

— Я-то понимаю, — Клавдия Петровна скрестила руки на груди. — А ты сам-то понимаешь?

— Я всё понимаю, — Ник вдруг стал серьёзным на секунду. — Саша сейчас не в том состоянии, чтобы... Короче, я буду паинькой. Обещаю.

Повисла небольшая пауза. Я смотрела на них, и на душе было странно — тепло и немного грустно. Эти двое спорили обо мне так, будто я была маленькой девочкой, а не взрослой девушкой. Но в этом была своя забота, пусть и ворчливая, пусть и через силу.

— Ну а ты что молчишь? — бабка повернулась ко мне. — Сама-то хочешь?

Я подумала. Выход в свет. Мороженое, парк, город, где нет этого леса, этих воспоминаний, Влада... Хотя Влад, кажется, был везде.

— Хочу, — сказала я и даже удивилась своему голосу — он звучал твёрдо. — Пожалуй, я согласна.

— Ура! — Ник вскинул руки вверх и чуть не подпрыгнул.

— Поменьше радуйся, — проворчала бабка. — Ещё не вечер. Смотри мне, если она вернётся грустнее, чем уехала — не сносить тебе головы.

— Да что вы во мне сомневаетесь? — Ник подмигнул. — Я, между прочим, мастер поднимать настроение. У меня даже диплом есть. Правда, по экономике, но это неважно.

Я улыбнулась. Мы договорились, что Ник заедет за мной послезавтра в десять утра, и он ушёл, насвистывая что-то весёлое и размахивая рукой на прощание.

— Ох, чует моё сердце, — сказала Клавдия Петровна, глядя ему вслед, — вляпаешься ты с ним во что-нибудь.

— Вы же сами разрешили, — напомнила я.

— Разрешила, — вздохнула бабка. — Потому что тебе и правда надо развеяться. Только смотри: если он начнёт предлагать алкоголь — отказывайся. И от коктейлей тоже. И от тёмных переулков.

— Клавдия Петровна, — я засмеялась, — вы сейчас как мама-наседка.

— А кто ещё будет наседкой? — она махнула рукой и пошла в дом. — Ладно, давай, доделывай грядки. Позже отвар новый заварю.

— Какой?

— Для успокоения. Вижу же, что тебе не по себе.

Я не стала спорить. Взяла тяпку и вернулась к работе, но в голове уже крутилось: послезавтра. Город. Люди. Мороженое.

Я стою в незнакомой комнате. Вернее, не в комнате — в зале. Огромном, с высокими потолками, где вместо ламп горят факелы, а пол выложен тёмным камнем. Пахнет воском, старым деревом и чем-то ещё — чем-то неуловимо знакомым, от чего внутри разливается тепло.

На мне не моя одежда. Лёгкое длинное платье из тонкой, почти прозрачной ткани, белого цвета. Волосы распущены, касаются плеч. Я босиком стою на холодном каменном полу и смотрю на высокую кровать под балдахином. Тяжёлый бархат, тёмное дерево, горы подушек.

— Ты вернулась, — раздаётся за спиной.

Я оборачиваюсь.

Влад стоит в проёме двери. На нём только светлая льняная рубашка, расстёгнутая почти до пояса, и тёмные штаны. Волосы влажные, растрёпанные — будто он только что из душа, или из леса, или из другого времени. Длинные, светлые, почти белые, и одна прядь заплетена в тонкую косу, уходящую за ухо.

Он смотрит на меня так, будто ждал вечность. И не просто ждал — знал, что я приду.

— Где мы? — спрашиваю я, и голос звучит глухо, будто издалека.

— Там, где мы всегда встречаемся, — отвечает он и шагает ко мне.

Шаг, второй, третий. Он не касается. Просто подходит — очень близко, почти вплотную. Я чувствую жар его тела, даже сквозь тонкую ткань своей одежды. Слышу его дыхание — ровное, спокойное, но я знаю, что оно может сбиться. Вижу, как бьётся жилка на его шее — быстрее, чем обычно.

— Во сне, — говорит он. — Мы всегда встречаемся во сне, Александра. Ты просто не помнишь.

Я хочу спросить, что значит «всегда», но он не даёт. Его пальцы скользят по моей щеке — медленно, почти благоговейно. Кончики пальцев проходят по скуле, по краю губы, по подбородку. Спускаются к шее, замирают на ключице, где бьётся пульс.

Его прикосновения — лёгкие, почти невесомые, но они оставляют за собой горячие следы. Моя кожа под его пальцами становится чувствительной, каждый миллиметр оживает.

— Ты такая же, — шепчет он. — Та же кожа. Тот же запах. Тот же взгляд.

— Влад...

Он наклоняется. Я чувствую его дыхание на своих губах — тёплое, с оттенком мяты и чего-то горьковатого, лесного. Я закрываю глаза и вздыхаю. Он целует меня. Нежно, почти осторожно, будто боится спугнуть. Его губы мягкие, чуть суховатые, и они двигаются в такт моим.

Я кладу ладонь ему на грудь — прямо на открытую кожу, где рубашка расстёгнута. Под пальцами — мышцы, твёрдые и горячие, и сердце, бьющееся сильнее, чем я ожидала.

Он углубляет поцелуй, и я открываю рот, впуская его. Его язык встречается с моим, и это уже не нежность — это голод. Долгий, многовековой, выдержанный, как дорогое вино. Его руки сжимают мою талию, притягивая меня вплотную.

Я ощущаю его тело всем своим. Твёрдое, горячее, живое. И отвечаю. Сама не понимаю как — откуда во мне это знание его губ, его рук, его дыхания? Но мои пальцы сами запутываются в его волосах, и они мягкие, шёлковые, прохладные, как ручей в летний день.

Мы целуемся долго. Я теряю счёт времени. Может, минуту. Может, вечность.

Он отрывается от моих губ, но не отходит. Переводит дыхание на мою шею — и я чувствую, как его губы касаются кожи у самого уха. Потом опускаются ниже, по шее, к ключице, к плечу.

— Разреши? — шепчет он, касаясь пальцами лямки моего платья.

— Да, — выдыхаю я.

Лямка соскальзывает с плеча. Ткань падает, открывая грудь. Я не стесняюсь — во сне стыд отключается, остаётся только желание.

Он опускает голову и целует мою грудь. Медленно, не торопясь. Его язык рисует круги, зубы легонько прикусывают — достаточно, чтобы я вскрикнула, но не больно.

Мои пальцы сжимают его волосы сильнее. Он поднимает голову и смотрит на меня — его глаза потемнели, в них горит что-то древнее, почти дикое.

Он подхватывает меня под бёдра и поднимает, как пушинку. Я обвиваю его ногами, чувствуя, как его руки держат меня крепко, но не грубо. Он несёт меня к кровати, не отрываясь от моих губ.

Бархат прохладный под спиной. Подушки мягкие, поддаются под весом. Он опускает меня, и я лежу перед ним — в полумраке факелов, с распущенными волосами и полуоткрытым ртом.

Он нависает сверху. Заслоняет собой свет. И я вижу только его — его лицо, его глаза, его руки, которые тянутся к моему лицу.

Он смотрит на меня долго, очень долго. Я чувствую себя красивой. Желанной. Не такой, какой была с Лёшей, когда он смотрел в телефон, а не на меня.

— Твоя очередь, — говорю я, дотрагиваясь до его рубашки.

Он позволяет. Я расстёгиваю оставшиеся пуговицы — медленно, нарочно замедляя, чтобы продлить мгновение. Стягиваю ткань с его плеч.

Его тело — как у скульптуры. Широкие плечи, узкие бёдра, каменный пресс, который я видела и раньше, но теперь могу трогать. Я провожу ладонями по его груди, по животу, по жёстким мышцам. Он замирает, едва дышит.

— Ты сводишь меня с ума, — шепчет он.

— Хорошо, — отвечаю я.

Я дотягиваюсь до его штанов. Расстёгиваю одну пуговицу, молнию. Он помогает — стаскивает их, оставаясь полностью обнажённым.

Я смотрю на него. Всё. До кончиков пальцев. Он совершенен. Не по-человечески. Может, поэтому он кажется реальнее, чем наяву.

Он ложится на меня, не входя. Просто прижимается всем телом — кожа к коже, тепло к теплу. Его вес приятный, не давящий.

— Я ждал этого так долго, — говорит он мне в шею. — Тысячи лет.

— Перестань говорить загадками, — шепчу я в ответ. — Просто будь со мной.

Он поднимает голову. Смотрит в глаза.

— Я всегда с тобой. Даже когда ты не видишь.

Он целует меня снова — глубоко, медленно, и одновременно его рука скользит между моих ног. Я вздрагиваю от прикосновения. Он знает, где тронуть, как погладить — будто изучал моё тело столетиями.

Я стону, выгибаюсь, вцепляясь в его плечи.

— да...

Он входит в меня. Легко, плавно, как будто мы делали это тысячи раз. И, наверное, делали. В других жизнях. В других телах.

Я чувствую его — всего, до кончиков пальцев, до каждой клеточки. Как он заполняет меня, как двигается — медленно, глубоко, как будто ему тоже важно растянуть это мгновение.

Его дыхание смешивается с моим. Его руки сжимают мои бёдра, приподнимая их, чтобы войти глубже. Я вскрикиваю — от неожиданности, от удовольствия.

Его губы находят мою шею, снова целуют, и я чувствую, как он ускоряется. Всё внутри меня сжимается, натягивается, готовясь взорваться.

— Ты навсегда моя, — шепчет он.

Я просыпаюсь от того, что не могу дышать. Сердце колотится где-то в горле, простыни сбиты в комок, тело горит — не от болезни, от другого.

Я сажусь на диване, обхватываю колени руками. За окном ещё темно. Часы показывают половину четвёртого утра.

Опускаю взгляд на рубашку, в которой спала.

— Я сошла с ума, — произношу я в темноту.

===== Часть 12 =====

Вечер опустился на деревню неожиданно быстро — словно кто-то за шкурку стянул солнце за горизонт и накрыл небо синим одеялом. Мы с Клавдией Петровной управились с грядками, когда сумерки уже сгустились, и я была рада, что рабочий день закончился. Спина ныла, руки гудели, а в голове шумело так, будто там поселился целый улей.

— Пей, — бабка сунула мне кружку с отваром, даже не спросив, хочу ли я. — И спать. Завтра рано вставать.

Я послушно выпила горькую, пахнущую мятой и чем-то ещё неуловимым жидкость. Клавдия Петровна забрала кружку, кивнула сама себе и ушла в свою комнату. Я осталась одна.

Голова гудела. Не приступ — просто усталость, смешанная с переживаниями последних дней. Слишком много всего свалилось: предательство Лёши и Сони, странный Влад, мое предложение, этот сон, от которого до сих пор горело тело, а ещё и Ник со своим «дружеским днём». Мозг отказывался переваривать информацию.

Я легла на диван, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок. В доме было темно и тихо — только сверчок за окном вёл свой бесконечный монотонный разговор.

Телефон.

Я вспомнила о нём только сейчас — новенький, дорогой, лежащий в рюкзаке. Влад сказал, что купил самый надёжный. Я достала его, включила, и экран осветил лицо холодным белым светом.

И тут до меня дошло.

Это был не просто телефон. Это была очень дорогая модель. Я плохо разбиралась в гаджетах, но даже моих скромных познаний хватало, чтобы понять: такая штука стоит как моя месячная зарплата. А то и две.

— Чёрт, — прошептала я в темноту.

Я не просила его дарить мне такое. Не хотела быть обязанной. Но с другой стороны... если я стану его женой — а судя по нашему разговору, он настроен серьёзно, — то какая разница? Общие деньги, общие вещи, общая жизнь. Мы там, типа, «один кошелёк на двоих».

Мысль о том, чтобы быть чьей-то женой, всё ещё казалась абсурдной. Я знала Влада всего ничего. Я тряхнула головой, сейчас не до того.

Экран засветился снова — пришли сообщения. Много сообщений.

Я открыла чат с Соней.

«Саша, ты где?»

«Саша, ответь, пожалуйста»

«Я волнуюсь»

«Ты в порядке?»

«Саш, ну пожалуйста, ну ответь»

«Может, у тебя телефон разрядился?»

«Я уже Лёшу спрашивала, он тоже не знает»

«Саша, я тут без тебя с ума схожу»

«Кощей по тебе скучает»

«Мы все по тебе скучаем»

Последнее сообщение пришло сегодня утром: «Саша, надеюсь, у тебя всё хорошо. Я молюсь за тебя. Ну, не в смысле молюсь, а просто думаю. Короче, ты там держись».

Я читала и чувствовала, как по щекам текут слёзы. Тёплые, солёные, совершенно бесполезные.

Соня была моим человеком. Самый близкий, самый родной, самый понимающий. Мы знали друг друга много лет. Она была на всех моих днях рождениях, на всех похоронах, на всех приступах, когда я задыхалась и врачи разводили руками. Она держала меня за руку в больнице. Она приносила мне апельсины, когда меня тошнило от таблеток. Она была той, кто всегда знал, что я чувствую, даже когда я сама не могла объяснить.

И она же — та, кто украла моего парня.

Или не украла? Может, Лёша сам пришёл? Может, между ними что-то вспыхнуло, пока я болела? Может, это просто случилось — непредсказуемая, жестокая штука под названием любовь?

Я всхлипнула, уткнувшись лицом в подушку.

«Зачем они скрывают? Боятся причинить мне боль? Заботятся? Или просто не хотят брать на себя вину?»

— Боже, какие бредни я несу, — прошептала я в темноту. — Боятся они, как же.

Я засмеялась — нервно, надрывно, и тут же испугалась, что разбужу Клавдию Петровну. Прикусила губу, сдерживая новый всхлип.

В доме было тихо. Только за окном кто-то стрекотал — то ли кузнечик, то ли сверчок, то ли сама ночь решила посмеяться надо мной.

Я перевернулась на другой бок, прижала колени к животу и набрала ответ Соне:

«Всё нормально. Утопила телефон, теперь пишу с чужого. Восстановить пока не могу. Буду пропадать. И задержусь тут, дольше чем думала. Ты там держись. Целую».

Я не стала говорить, что у меня новый телефон — дорогой, подаренный таинственным блондином, которому я предложила стать его женой в обмен на месть. Слишком сложно объяснять. Соня ответила через минуту:

«Саша!!! Живая!!! Я так рада!»

«Конечно-конечно, здоровья тебе, главное!»

«Поправляйся, мы тебя ждём!»

Я прочитала, усмехнулась и выключила экран.

— Лицемерка, — сказала я пустой комнате.

Телефон отлетел в сторону — я отбросила его, как надоевшую вещь. Он мягко звякнул о деревянный пол и затих.

Закрыла глаза.

Внутри бушевала буря. Я сжимала одеяло так сильно, что побелели костяшки. Мне хотелось кричать, рвать, бить — но нельзя. Клавдия Петровна спит, а я не хочу, чтобы она видела меня такой. Разбитой. Сломанной.

Истерика накатывала волнами — то затихала, то снова поднималась, и я задыхалась в этой темноте, одна, без Сони, без Лёши, без всего мира, который рассыпался на куски.

— Но я смогу, — сказала я себе сквозь зубы. — Я выдержу. Я отомщу.

Мысль о мести грела, как грелка в холодную ночь. Влад даст мне силу. Влад поможет наказать их. Я буду делать всё, что он захочет — буду послушной, удобной, идеальной женой, — только пусть они почувствуют ту же боль, что чувствую я. Пусть сжимают одеяло по ночам, пусть кусают губы, чтобы не закричать, пусть ненавидят себя за то, что сделали.

Я не знала, как именно Влад собирается им отомстить. Но я верила.

И это была единственная вера, которая у меня осталась.

. *****

Утро пришло серое и хмурое, будто сама природа решила, что я заслужила выходной от солнца. Но Клавдия Петровна не признавала выходных.

— Вставай, — раздался её голос из-за двери. — Солнце уже встало, а ты всё спишь. На грядки, живо!

Я выползла из-под одеяла, натянула рабочую одежду и вышла во двор. Голова гудела, но отвар, который бабка сунула мне сразу после подъёма, помог — боль отступила до тупой пульсации на затылке.

Мы работали молча. Она полола свои травы, я — свои. Утро было прохладным, и я даже пожалела, что не надела кофту потолще. Пальцы замёрзли, но я не жаловалась — не хотелось слышать бабкино «а я тебе говорила».

И вдруг — шум.

Сначала далёкий, потом всё ближе. Мотор. Машина. В Кустово это было событием — здесь редко кто появлялся на колёсах, и каждый визит бабка комментировала как министерское вторжение.

— Кого это там принесло? — проворчала она, выпрямляясь и опираясь на тятку.

Машина остановилась у калитки. Хлопнула дверь — тяжёлый, уверенный звук, который говорил о дорогом автомобиле и владельце, привыкшем к тому, что мир подстраивается под него.

Мы пошли посмотреть.

Я подошла к калитке — и замерла.

Влад.

Сегодня он был в костюме-тройке. Тёмно-синий, идеально сидящий, с белой рубашкой и галстуком. Туфли начищены до зеркального блеска. Белые волосы уложены назад, открывая высокий лоб и острые скулы. Он выглядел так, будто только что сошёл с обложки дорогого мужского журнала — и совершенно не вписывался в этот деревенский пейзаж с грядками, тыквами и старой бабкой в телогрейке.

Я смотрела на него и не могла отвести глаз. Прямая осанка — будто позвоночник сделан из стали. Взгляд — уверенный, спокойный, чуть прищуренный, как у человека, который привык, что его приказы выполняются. В руках — ничего, только ключи от машины, которые он лениво перекатывал в пальцах.

— Доброе утро, — сказал он, чуть склонив голову.

Голос — бархатный, низкий, с той особенной интонацией, от которой у меня начинали дрожать колени. Я постаралась взять себя в руки, но покраснела — предательски, от щёк до ушей.

— Доброе, — ответила я, стараясь звучать ровно.

— Я к тебе, — он перевёл взгляд на Клавдию Петровну. — Клавдия Петровна, могу я забрать Александру ненадолго?

— Чего ж не взять, — бабка скрестила руки на груди, не выпуская тятку. — Она у меня не в рабстве.

Бабка вложила в эти слова столько яда, сколько хватило бы на улей ос. Влад чуть прищурился — я заметила, как напряглись желваки на его скулах, но он не ответил. Только кивнул, принимая удар с достоинством короля, которому бросили перчатку, но он решил не поднимать.

— Я хочу, чтобы ты ко мне переехала, — сказал он, глядя на меня.

Я замерла.

===== Часть 13 =====

Я зашла в дом и стала собирать вещи.

Рюкзак стоял в углу, полупустой. Я бросила в него джинсы, пару футболок, зарядку для телефона — хотя Влад наверняка обеспечит меня всем, что нужно. Мысль об этом была одновременно утешительной и пугающей. Что я вообще делаю? Переезжаю к мужчине, которого знаю всего ничего? Соглашаюсь на брак по расчёту? На месть?

В горле пересохло. Я остановилась, посмотрела на свои руки. Они дрожали.

«Правильно ли я поступаю?» — спросила я себя. И сама же ответила: «Вариантов нет. Сама согласилась на эту аферу. Назад дороги нет».

В дверях появилась Клавдия Петровна.

Она стояла, уперев руки в бока, и смотрела на меня так, будто я собиралась прыгнуть с обрыва, а она была единственной, кто пытался меня удержать. Глаза — тёмные, усталые, с

прищуром, который я уже научилась читать: она злилась. Не на меня — на ситуацию. На Влада. На то, что не могла ничего изменить.

— Александра, ты хоть понимаешь, что ты творишь? — спросила она, и голос её прозвучал жёстче обычного.

— Клавдия Петровна, — ответила я, продолжая складывать вещи, — вы же знаете. Мы уже обсуждали. В данной ситуации это единственный вариант, который мне поможет.

— Глупая ты, Сашка, — вздохнула она.

Бабка прошла к старому дивану, который стоял у стены, уселась на него — тяжело, с кряхтением, как человек, который нёс на себе непосильную ношу долгие годы. Похлопала ладонью по сиденью рядом с собой.

— Иди сюда.

— Клавдия Петровна, там Влад ждёт...

— Ничего страшного, подождёт, — отрезала она. — Иди, сказала.

Я вздохнула, оставила рюкзак и села рядом. Диван скрипнул под моим весом, пружины жалобно застонали. В комнате пахло сушёными травами, старым деревом и ещё чем-то неуловимым — может быть, самим временем, которое застыло в этих стенах.

— Я хочу рассказать тебе одну легенду, — сказала Клавдия Петровна, глядя куда-то перед собой, в стену, покрытую трещинами.

— Клавдия Петровна, ну вы даёте, — я попыталась улыбнуться. — Вы уверены, что сейчас самое подходящее время для легенды?

— Александр, её надо было рассказать тебе давно, — она повернула голову, и в её глазах я увидела что-то такое, отчего улыбка сползла с моего лица. — Но сейчас тоже подходящее время. Лучшее из того, что осталось.

— Хорошо, — сдалась я. — Готова слушать... интересный в кавычках сюжет.

Бабка помолчала, собираясь с мыслями. За окном запела птица — звонко, беззаботно, будто не понимала, какая драма разворачивается в этой старой избе.

— Давным-давно, — начала Клавдия Петровна, — жил один правитель. Он был статный, великий, очень мудрый, хитрый — все качества хорошего лидера были в нём. И он очень быстро стал правителем. Было такое место — называлось Цитадель.

— Цитадель? — переспросила я.

— Не перебивай, — строго сказала бабка. — Так вот. Правил он там долго, и всё было хорошо, пока не наступила война с одним очень сильным существом. Чтобы победить то существо, нужно было объединить свет и тьму. Не в переносном смысле — в прямом. Две противоборствующие силы, которые никогда не действуют вместе.

— И как он их объединил? — спросила я, чувствуя, как внутри закипает странное любопытство.

— Помолчи, — отрезала бабка. — И в руки правителю попала одна девушка. Она была гораздо слабее его — обычная смертная, без магии, без силы. Но упёртая, как бык. Поэтому правитель решил держать её возле себя. Он знал, что девчонка юная, а он — опытный, красивый, властный. Влюбить её в себя не представляло какой-то большой проблемы.

— И он влюбил? — догадалась я.

— Влюбил, — кивнула Клавдия Петровна. — Доверяла ему, верила, он её спасал — и всё как по маслу. Они даже поженились, представляешь? — она усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья. — Какая интересная любовная история.

Я хотела встать — слишком жутко становилось от её голоса, от этого взгляда, устремлённого сквозь меня.

— Спасибо, Клавдия Петровна, интересно, но мне пора, — я поднялась, но бабка схватила меня за руку — крепко, почти больно.

— Сиди, — приказала она. — Самое страшное впереди.

Я села. Пальцы у неё были холодными, костлявыми, но сильными. Старушечья хватка — не вырвешься.

— Когда план правителя нужно было реализовывать, — продолжила она, — и всё подходило к тому, чтобы убить свет и тьму и объединить их силы... правитель передумал. Он решил спрятать девушку. Скрыть её ото всех. Сейчас я думаю, что это была ненормальная любовь. Может быть, он любил её по-особенному — настолько, что хотел, чтобы она была только его. Никто не должен был видеть её, слышать её, прикасаться к ней.

— И что с ней стало? — спросила я тихо.

— Она погибла, — Клавдия Петровна сжала мою руку. — Прямо в день своей свадьбы. Именно в тот момент, когда правитель пытался перевести её в безопасное место, подкупив её же брата.

— И что дальше? — я почти не дышала.

Бабка отпустила мою руку, откинулась на спинку дивана.

— В начале правитель даже не понимал, чего лишился. Ему казалось, что это просто очередная игрушка, которая исчезла из его жизни. Он был уверен, что он не привязался к девчонке. Да, она ему нравилась, но чтобы настолько — он даже не подозревал. В начале все его мысли были погружены в войну. Ну, девчонку он спрятал. Заточил её в лёд в холодной долине. Сам не осознавая того, он хотел оживить её, но пока не понимал как.

— Заточил в лёд? — ужаснулась я.

— Заточил, — кивнула бабка, не обращая внимания на мой тон. — Когда война кончилась, он начал страдать по ней. Цитадель ещё никогда не видела, чтобы правитель был в таком состоянии. Каждый день выносили трупы подчинённых, которые не смогли её оживить. Он начал сходить с ума. Обыскал каждый участок земли в надежде, что кто-то сможет вернуть её обратно.

— И что — вернули? — спросила я, хотя уже догадывалась, к чему всё идёт.

Клавдия Петровна посмотрела на меня долгим взглядом — сквозь меня, будто видела что-то за моей спиной.

— Правитель обещал большое вознаграждение. Обещал что угодно тому, кто сможет вернуть её. И была одна очень юная и глупая девушка, которая хотела продлить свою молодость.

— Ого, — вырвалось у меня. — Прямо сказка про Белоснежку.

— Помолчи, — укоризненно проговорила бабка, и я замолчала. — Та девушка вызвалась помочь и оживить замороженную невесту, но для оживления нужно было, чтобы девушка переродилась. А значит, тело её нужно было сжечь, чтобы душа смогла спокойно уйти.

— Сжечь?! — я почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Правитель был недоволен, — Клавдия Петровна произнесла эти слова так, будто читала старый, давно заученный текст. — Он согласился на условия. Когда тело сожгли, лекарша впервые увидела правителя таким. Он был пустым. Будто у него больше ничего внутри нет. И от этого он вызывал огромный страх у своих подчинённых. Когда всё закончилось, душа возлюбленной освободилась и ушла на перерождение. Скажем так, та лекарша — которая и была той самой юной глупой девушкой, хотевшей продлить молодость, — предупредила правителя: если перерождение произойдёт, то девушка начнёт с самого начала. Заново. Без памяти. Без него.

— И что? — я смотрела на бабку во все глаза.

— Ну кто ж знал, что эта девчонка, — Клавдия Петровна вдруг резко встала, — попадёт под машину? Да об этом даже я не могла предвидеть.

Я с ужасом смотрела на неё.

— Клавдия Петровна... вы чего? Вы как-то слишком активно рассказываете эту легенду.

Бабка резко обернулась ко мне, будто только что вспомнила, что я всё ещё здесь. Её лицо на мгновение стало чужим — молодым, испуганным, но тут же морщины вернулись на свои места.

— Александра, — сказала она, садясь обратно, — хочешь совет?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Так же, как тот правитель, так же и Влад одержим своей возлюбленной. Да, они встречаются похожих и начинают любить их. Но до тех пор, пока не появится кто-то ещё более похожий на их потерянную невесту.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что когда Влад найдёт девушку, которая будет больше напоминать ту, которую он потерял — он бросит тебя. И ты останешься у разбитого корыта, — Клавдия Петровна поджала губы. — Я знаю, что Лёша и твоя подруга сделали подлость. Но поверь мне: их подлость — ничто по сравнению с силой Влада.

— Но он обещал...

— Одержимые много чего обещают, — перебила она. — Даже если Влад не найдёт похожую на свою жену, и он всё также будет всецело на тебя смотреть с обожанием, есть другая опасность. Если вдруг ты когда-нибудь захочешь уйти... ты не сможешь. Он тебе этого не даст. Не позволит. Одержимость — не всегда любовь. Иногда она хуже ненависти.

По моей коже побежали мурашки. Я сжала пальцы в кулаки, стараясь унять дрожь.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила я тихо. — Вы хотите, чтобы я осталась?

— Я хочу, чтобы ты знала, на что идёшь, — бабка взяла меня за руки. — С открытыми глазами. Без иллюзий. Влад — не принц на белом коне. Он — тот, кто сожжёт мир ради своей любимой. Вопрос только в том — будешь ли ты этой любимой всегда или только пока.

Я посмотрела на неё. На её морщинистое лицо, на тёмные глаза, которые видели столько, что мне и не снилось. На руки, которые держали меня — не больно, но крепко, будто прощались.

— Спасибо, — сказала я. — За правду. За то, что предупредили.

— Ты всё равно пойдёшь? — спросила она, и в её голосе не было удивления — только усталая покорность.

— Я не вижу другого выхода, — ответила я. — Может быть, я дура. Может быть, это ошибка. Но я хочу, чтобы им было так же больно, как мне. И Влад — единственный, кто может это сделать.

Клавдия Петровна отпустила мои руки. Откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.